Высоко над страхом

Автор:
Людмила Мартова

Высоко над страхом

Людмила Мартова

Желание женщины

Лидия была вынуждена уехать, чтобы начать новую жизнь. Ей до последнего не верилось, что родной Славка способен на такое предательство. Могла ли она когда-нибудь представить, что ее семью разрушит молоденькая медсестричка? Все произошло быстро и банально, но что делать дальше? Лида лишь хотела залечить раны и побыть наедине с собой, а оказалась в центре загадочных и опасных для жизни событий. Она даже не подозревала, какие тайны скрывает ее служебная квартира, в которой с каждым днем ей становилось все хуже. Но мало ей было своих проблем, так еще пришлось помочь соседу, купившему городской порт, провести настоящее расследование. Ведь ночью там случился пожар и произошло жестокое убийство, и кто знает, чем бы все обернулось для Ивана, если бы Лида не оказалась рядом…

Людмила Мартова

Высоко над страхом

Есть час Души, как час Луны,

Совы – час, мглы – час, тьмы —

Час… Час Души – как час струны

Давидовой сквозь сны

Сауловы… В тот час дрожи,

Тщета, румяна смой!

Есть час Души, как час грозы,

Дитя, и час сей – мой.

Марина Цветаева

Глава первая

Судьба бросается под ноги

Будущее, как известно, бросает свою тень задолго до того, как войти.

Анна Ахматова

Машина попала колесом в очередную яму, и Корсаков привычно выругался. Несмотря на очень приличный водительский стаж и неплохие навыки езды по бездорожью, он никак не мог приноровиться ездить по этому городу.

Впрочем, это было невозможно. Как любила говорить его младшая сестра, цитируя какой-то дурацкий западный фильм, «миссия невыполнима». Даже по центральной улице нельзя было спокойно проехать, что уж говорить о кривых грязных улочках, ведущих в какую-то иную, существующую за гранью реальности жизнь.

Большинство ям в декабрьскую, совсем не предновогоднюю распутицу были коварно скрыты талой водой, поэтому заметить их, чтобы хоть как-то увернуться, было совершенно невозможно. Впрочем, декабрь был ни при чем. Лужи надежно маскировали ямы и в сентябре, когда шли дожди, а Корсаков только приехал в этот город, и в ноябрьский снег, и, наверное, всегда.

Лужи и грязь были в явном сговоре с ямами, которые, пользуясь надежной маскировкой, казалось, каждую ночь перебегали с места на место, чтобы с утра кинуться под колеса корсаковской машины. Спустя три месяца жизни в этом проклятом, богом забытом месте он был уже практически уверен в том, что ямы могут перемещаться и нарочно попадаться ему на пути, чтобы довести до белого каления и заставить уехать, убраться восвояси, сдаться на милость победителя.

– Врешь, не возьмешь, – сцепив зубы, пробормотал Иван и, вывернув руль, резко проехал вперед, заставив машину тяжело перевалиться через неровную зазубренную поверхность ямы и продолжить путь. Автомобиль было жалко чуть ли не до слез, он меньше, чем кто бы то ни было, виноват в происходящем.

Город, всего-то в сорока километрах от областного центра, тридцать тысяч жителей, некогда крупный промышленный узел, производил жуткое впечатление не столько дорогами, а скорее их полным отсутствием. Тяжкое чувство, как будто свинцовой плитой ложащееся на грудь, на давая дышать, возникло у Корсакова в тот день, когда он приехал сюда впервые, оно так и осталось.

Утром, когда он вставал с продавленного дивана, шлепал босыми ногами к окну и отдергивал шторы, это чувство поднимало тяжелую спросонья голову при первом же взгляде на улицу. Днем невыносимая тягость здешнего бытия немного отступала из-за вороха проблем и забот. Работы было много. Очень много. Так много, что иногда Корсакову казалось, что он никогда ее не переделает и отсюда не уедет. В этот момент ему становилось страшно, но Иван отгонял от себя эти мысли и снова брался за дело.

Освобождался он в начале восьмого, а то и еще позже, и по дороге домой заезжал в тусклый и унылый супермаркет со стандартным недорогим набором продуктов, так отличающимся от того, к чему он привык в родном Питере. Он покупал неестественно розовые сосиски с ощутимым привкусом бумаги, влажный, как будто склизкий хлеб, молоко в картонных коробочках и какие-нибудь консервы, а потом, стесняясь самого себя, брал еще чекушку водки. Без нее невозможно было хотя бы ненадолго забыть об окружающей серости и мерзости, к которой здесь, похоже, все так привыкли, что даже не замечали.

«Я тут сопьюсь, – мрачно думал Иван, размашисто шагая к кассе. – Я не понимаю, как можно тут жить и не пить. Что еще здесь можно делать тусклыми темными

нескончаемыми вечерами? Господи, я даже никогда не думал, что можно жить именно так».

Пьяных вокруг действительно было очень много. С момента приезда Корсакову еще ни разу не попались мужчины, которых можно было бы назвать окончательно трезвыми. В первые дни его это сильно удивляло. Так сильно, что он сгоряча даже уволил трех сотрудников, явившихся на работу с запахом перегара. Через неделю он заподозрил, что такими темпами вскоре вообще останется без кадров, и репрессии притормозил, а спустя еще неделю начал по вечерам покупать заветную чекушку, чтобы хоть на время забыться.

Приобретя стандартный набор того, что здесь считалось едой (полуфабрикаты тут не держат, это же очень дорого, никому не по карману), в том, что здесь называлось супермаркетом, Иван снова залез в машину, кряхтя, как древний старик. Автомобиль, впрочем, кряхтел тоже. Ему было неуютно и грустно под декабрьским дождем. Впереди была ночь, которую нужно было пережить в чужом, холодном, недобром дворе. Из стычки с ночью нужно было еще выйти победителем и с наименьшим ущербом, коим могли считаться снятые «дворники» или оторванное зеркало. Каждое утро, одергивая пыльную штору, Иван готов был увидеть остов своей сгоревшей машины, или снятые с нее колеса, или разбитое боковое стекло, но пока обходилось, тьфу-тьфу.

С размаху угодив в очередную бросившуюся под колеса яму, он снова чертыхнулся и свернул с центральной «парадной» улицы, носящей имя Советская, налево, в сторону дома, в котором он снимал квартиру. Этот дом, девятиэтажный, многоподъездный, из белого кирпича, считался одним из лучших в городе. Когда-то здесь давали квартиры врачам и учителям, заодно в доме обосновались парочка адвокатов, районный прокурор и несколько сотрудников отдела полиции, так что за то, что машину еще не сожгли и не изувечили, по всей видимости, нужно было говорить спасибо именно им.

Во дворе в сентябре вовсю цвели клумбы, детишки резвились на нераскуроченной горке и лазалке, у подъездов стояли аккуратные лавочки, так что, закрыв глаза, можно было представить, что ты дома, в ясном, светлом, прозрачном Питере, просто не в его центре с клодтовскими конями и филигранной роскошью старинных зданий, а на окраине, в одном из рабочих районов.

Вот только, чтобы добраться по ямам и лужам в свой двор, нужно было проехать мимо разрушенных, заброшенных кирпичных зданий – бывшего общежития местного техникума, закрытого еще в суровые девяностые и скалящегося разбитыми окнами, а также недостроенного и брошенного дома для сирот, с окон которого когда-то украли рамы и, кажется, даже разобрали перекрытия. Деревянные ветхие дома, уже расселенные, готовые к сносу, но не сносимые из-за недостатка денег в бюджете, довершали картину полного распада. Примерно раз в неделю какой-нибудь из них горел, поджигаемый разводящими огонь бомжами или вечно обдолбанными подростками, которых, казалось, никогда не искали родители.

Каждый вечер, сворачивая к дому, Корсаков как будто попадал в декорации фильма про Сталинградскую битву. Все вокруг выглядело именно так, как после долгой и усердной бомбежки. Казалось, что война здесь до сих пор не кончилась. Иван даже иногда кидал взгляд на часы – дорогие и современные «Радо» – или вытаскивал из кармана айфон, чтобы убедить себя, что на дворе второе десятилетие двадцать первого века, а не середина двадцатого.

В другие дни его разыгрывающаяся фантазия, наоборот, подкидывала сюжетец про апокалипсис. Картина вокруг вполне могла бы служить иллюстрацией последствий ядерной войны, и Иван даже пугался, видя людей на обочинах дорог. Ему казалось, что они зомби. Впрочем, он был готов считать таковыми всех жителей этого богом забытого городишки. С его точки зрения, нормальные люди не могли добровольно выбрать такое место жительства. Им следовало уехать, вырваться отсюда, бежать, забрав детей, чтобы иметь хотя бы малейшую надежду на спасение.

Даже относительно целые дома выглядели уныло – серые, однотипные, с потеками воды на стенах, разномастно застекленными балконами, заставленными всевозможным хламом. Весь город был таким, поджавшим хвост, как побитая, голодная, бездомная собака. И Иван ни за что бы тут не остался, если бы три месяца назад не купил здесь порт.

Пятнадцать лет он занимался перевозкой грузов. Профессионально занимался. Начинал с дальнобоя, приобретая бесценные навыки езды по любому бездорожью, затем по случаю купил свой первый подержанный «Вольво», затем второй, а там пошло-поехало. Сегодня фирма Корсакова держала шестьдесят процентов рынка автоперевозок центра и северо-запада России. У нее была безупречная репутация. Его машины не опаздывали, не теряли груз и не

попадали в неприятности и разборки. С водителями он был строг, но справедлив, платил щедро, наказывал за дело и дурью никогда не маялся. Мужики его если и не любили, так уважали точно. И звали, несмотря на молодой еще возраст (что такое для мужика тридцать пять лет), по отчеству – Михалыч.

Заказы не переводились, кредиты, взятые на обновление автопарка, давно были выплачены, жизнь обустроена в той степени, в которой это позволяли его холостяцкие представления о ней, и Корсаков вдруг в одночасье понял, что заскучал. Ему хотелось иного простора, иного масштаба деятельности, но в той сфере, где он привык крутиться, предпосылок для этого не было никаких.

Для того чтобы найти выход, нужно было, в первую очередь, хорошенько подумать. Это Корсаков и сделал, для верности посоветовавшись со своим старым другом Валеркой Битнером. Толковым мужиком и успешным бизнесменом, чей совет был точно не лишним.

– Смотри, – Валерка взял салфетку и нарисовал на ней прямую линию. – Трафик перевозок по автомобильным дорогам сейчас довольно насыщенный. Ты можешь купить еще две машины, пять или десять, но кардинально ничего не изменится. Ты и так контролируешь значительную часть рынка. Больше, даже если и откусишь, то уже вряд ли проглотишь. Да и не принципиально это. В наших погодных условиях семь месяцев в году на дороге либо лед, либо снег, либо лужи, да еще в целую кучу мест не доедешь и, соответственно, груз не доставишь. Плюс еще с осени систему «Платон» введут. Слышал о такой?

– Слышал, – Иван махнул рукой. – Я посчитал, дороговато, конечно, но не убьет. Меня по крайней мере. Может, конкурентов поменьше станет, так это только хорошо.

– Все равно. На доставке автотранспортом ты выше собственной головы не прыгнешь. Значит, что?

– Что? – заинтересованно спросил Корсаков. Ему очень нравилось смотреть на своего разумного, логичного и по-немецки педантичного друга.

– Значит, надо переходить на другой вид транспорта.

– Если только на гужевой, – засмеялся Иван. – Потому как в планы РАО «РЖД» не входит делиться со мной своими прибылями. И вертолеты я пока покупать тоже как-то не планировал.

– Это особый вид деятельности, – согласился Битнер, – хотя к нему со временем, может, и стоит присмотреться. Но пока ты не готов к тому, чтобы согласовывать графики полетов. Так что остается только одно – идти водным путем.

– Это как? – глупо спросил Иван.

– А так. – Валерка пожал своими могучими плечами. – Изучи вопрос. Посмотри, где в регионах есть какой-нибудь подходящий порт. Возьми кредит и действуй. У тебя получится, ты же упертый.

Идея, несмотря на всю ее неожиданность, показалась Корсакову интересной, а главное, вполне осуществимой. За пару месяцев он действительно высмотрел подходящий со всех сторон небольшой порт на Волге. Жизнь в нем теплилась еле-еле, заказов не хватало на то, чтобы сводить концы с концами, существовал довольно приличный долг по зарплате, а вместе с ним все признаки революционной ситуации. Той самой, когда верхи не могут, а низы не хотят.

При этом парк судов оказался вполне себе приличным, производственная база требовала минимальных вложений, а большинство проблем решалось обеспечением постоянного потока заказов в течение навигационного периода. Это Корсаков в силу наработанных за долгие годы связей вполне мог обеспечить. Главное, что он должен был в случае покупки успеть сделать до начала следующей навигации, – это провести ремонт судов, закупить топливо и разгрести завалы, оставшиеся от прежнего руководства, перешерстив заодно кадры.

Его предложение купить порт было встречено основным владельцем с энтузиазмом и плохо скрываемым облегчением. Второй совладелец сделке был не рад, но понимал, что со своим миноритарным пакетом вряд ли сможет что-то изменить. Рабочие, узнав о продаже, как положено, побузили пару дней, приготовились увольняться, с горя ушли в запой, а потом вышли на работу и стали трудиться при новом хозяине так же, как при старом.

Качество и методы их работы Корсакова не устраивали категорически, поэтому, тяжело вздохнув, он перевел всю текучку по автотранспортным перевозкам на своего самого надежного зама Павла Яковлева, с которым прошел огонь, воду, медные трубы, преодолел сотни тысяч километров российских дорог и сопротивление сотен тысяч российских дураков, а сам переехал в маленький провинциальный городок, от убогости которого у него ныли все зубы, и впервые в жизни началась неумолимая депрессия, слегка сдающая позиции лишь под воздействием чекушки.

Было это в сентябре. А сейчас на дворе стоял уже декабрь. Нудный, темный, как и положено в этой широте и долготе, и сырой, ветреный, с дождем и лужами, коварно скрывающими ямы на дорогах, что в условиях данной климатической зоны было довольно странно.

«Чего удивляться, что тут даже Нового года нормального быть не может, – уныло думал Иван, паркуясь в своем дворе и вытягивая из теплого нутра машины пакет со своей нехитрой снедью. – В такой убогости не может быть места белому снегу, высокой, сияющей огнями елке, радостным лицам. Я ведь действительно за несколько месяцев ни разу не встретил здесь ни одного улыбающегося человека. Все хмурые, неприветливые, мрачные. Вот и погода хмурится, чтобы соответствовать окружающей обстановке. Ну, ничего. Доделаю все дела, поздравлю коллектив и махну тридцатого утром в Питер, домой. Отмечу Новый год по-человечески. Недаром же говорят, что, как Новый год встретишь, так его и проведешь. Если я предстоящий год проведу так же, как последние три месяца, то либо сопьюсь, либо сойду с ума. Так что уеду, ей-богу уеду на все каникулы. Закрою избушку на клюшку. Ничего не случится за две недели. Решено, завтра же позвоню Пашке, скажу, что приеду, заодно проверю, как у него, обормота, идут дела. К маме съезжу. К Валерке, если он на месте».

Оттого, что он так здорово все придумал, а особенно оттого, что у него появился просвет, как у школьника, узнавшего, что учительница заболела, у Ивана даже настроение улучшилось.

Захлопнув дверцу машины и проверив, включилась ли сигнализация (в местных реалиях это было отнюдь не лишним), он перепрыгнул широкую и глубокую лужу и зашагал к подъезду, в котором снимал квартиру, весело насвистывая себе под нос знакомый мотивчик. Давненько у него не возникало такого желания.

Автомобиль, печально мигнувший ему вслед, послушно погрузился в ночной сон. Он точно знал, что до утра его теперь никто не потревожит. В этом городе хозяин никогда никуда не ездил по ночам.

Корсаков вошел в подъезд, привычно чертыхнулся оттого, что единственная лампочка опять не горела, включил фонарик на айфоне, в который уже раз возблагодарил чудо заморской техники, содержащей в себе все необходимые для русского человека опции, и начал быстро, но аккуратно подниматься по лестнице. Несмотря на то что в доме жили приличные люди, пожалуй, самые приличные во всем городе, вероятность вступить в еще горячую кошачью кучку все равно оставалась, а после трудного рабочего дня оттирать ботинки смерть как не хотелось.

Три этажа он преодолел, умудрившись никуда не вляпаться, и расслабился. Самые зловредные кошки жили на втором. Оставалось всего два лестничных пролета. Хмурый свет от уличного фонаря просачивался сквозь грязное, отродясь не мытое подъездное окно, немного освещая путь, и Иван рискнул выключить фонарь, чтобы достать ключи от квартиры.

– Черт. – На площадке, разделяющей пролеты, он едва удержался на ногах, споткнувшись о что-то большое и мягкое, грязной кучей осевшее на нижней ступеньке. Чтобы не упасть, Иван схватился рукой за стену. Пакет выпал из рук, с тихим печальным звоном попрощалась с жизнью только что купленная чекушка, он снова выхватил из кармана телефон и включил фонарь, чтобы рассмотреть, обо что споткнулся.

На лестнице, привалившись спиной к стене и закинув голову с мертвенно-бледным, каким-то неживым лицом, сидела женщина. Довольно молодая, если можно было судить о возрасте в странном, искажающем действительность свете телефонного фонаря. Глаза ее были закрыты.

– Эй, – Иван наклонился и потряс женщину за плечо. – Вы живы? Вы почему тут сидите? Вам плохо?

Она не отвечала, и Корсаков вдруг мигом вспотел от незнания, что делать дальше. Никогда еще в жизни он не сталкивался с необходимостью решать подобную проблему. Судорожно вспомнив увиденное когда-то в кино, он поднес свой телефон к губам незнакомки и через пару секунд вздохнул с облегчением.

Защитное стекло, наклеенное на экран, помутнело от ее дыхания. Женщина была жива.

Иван топтался рядом, не понимая, что предпринять. Можно было вызвать «Скорую» или полицию. Но перспектива ждать их в темном подъезде выглядела совсем не радостно. Холодно, темно, неуютно. А еще Ивану очень хотелось есть, аж в животе урчало. С детства у него была такая особенность – в условиях стресса организм начинал испытывать острое сосущее чувство голода, которое требовалось срочно заесть. Все равно чем.

Бросив еще один взгляд на запрокинутое женское лицо, Иван принял решение. Женщина выглядела вполне прилично. Это он успел рассмотреть. Скромно, но опрятно одетая, умело подкрашенная, чуть-чуть, без неуместной вульгарности. В руках она крепко сжимала сумку, а в ней (Иван, морщась, проверил) лежал кошелек, который по удивительной случайности еще не украли. Нет, все-таки приличный у них дом.

Подняв свой мокрый и воняющий водкой пакет (хлеб теперь придется выбрасывать, как пить дать), он нацепил его на согнутую руку и, кряхтя от напряжения, поднял женщину на руки. Занести ее на один пролет выше оказалось нетрудно, женщина была худенькой и легкой, как перышко. С отпиранием дверей, правда, пришлось повозиться. Внизу раздались чьи-то шаги, и Иван, представив, как смотрится со стороны с не подающей признаков жизни ношей и мокрым от водки и звенящим осколками пакетом, дрожащими руками справился с заедающим замком, шагнул в маленькую прихожую и быстро захлопнул за собой дверь ровно за минуту до того, как на площадке появилась возвращающаяся откуда-то соседка.

– Шакалье проклятое, все лакают свою ханку, хоть бы подохли уже. Гадят в подъезде и гадят, – услышал он и даже засмеялся оттого, что так ловко не попался.

Женщина на его руках вдруг застонала, легко, еле слышно. Корсаков прошагал в комнату, сгрузил ценную ношу на единственный диван и щелкнул выключателем. Теплый желтый свет залил комнату, разогнав вечернюю черноту, и Ивану удалось рассмотреть найденную им в подъезде незнакомку получше.

Ей было лет тридцать. Худенькое бледное личико с тенями под глазами, обрамленное рыжими кудряшками, легкими и пушистыми, как одуванчик. Первые морщинки вокруг изогнутого изящного рта, легкая синева на висках. Чуть курносое, в меру скуластое лицо выглядело симпатичным и отчего-то несчастным. Хотя много ли счастья валяться на лестнице в глубоком обмороке.

Иван стащил свою куртку, бросил ее куда-то в угол, принес из кухни стакан воды и опустился на колени перед диваном, на котором лежала незнакомка.

– Э-эй, – снова повторил он глупое, бессвязное междометие, – ау, очнитесь. – И легкими движениями пошлепал незнакомку по щекам.

Веки ее вздрогнули и открылись, на Корсакова уставились странные, полные бездонной глубины глаза, один зеленый, а другой отчего-то коричневый. Иван внезапно вспомнил, что встретить человека с разноцветными глазами – к удаче. Вот удача сейчас ему бы точно не помешала.

– Вы кто? – Незнакомка смотрела на него с любопытством, но без страха. И в голове у Ивана вновь всплыла какая-то неизвестно где вычитанная глупость про бесстрашие «разноглазых». Еще он обратил внимание, что губы у нее потрескавшиеся и сухие, с глубокими, чуть ли не кровоточащими «заедами» в уголках, видимо, последствиями авитаминоза.

– Я человек, – ответил он, потому что она продолжала требовательно смотреть на него своими невообразимыми глазищами. – Я нашел вас в подъезде и занес в свою квартиру, чтобы вы не лежали на лестнице. Вы меня не бойтесь. Я не бандит и не насильник, я бизнесмен, моя фамилия Корсаков.

– Римский? – уточнила она, и он запнулся на полуслове, потому что не понял.

– Ну, вообще-то я в Риме бывал, конечно, но давно. Сейчас я здесь живу, а вообще-то питерский.

– Композитор был такой, Римский-Корсаков, – устало сказала незнакомка. – Вы ему, случайно, не потомок?

– А, нет, я сам по себе. Вы мне лучше скажите, как вы себя чувствуете? У вас что-то болит? Может, «Скорую» вызвать?

– У меня такое чувство, что все болит, – подумав, сказала незнакомка. – Но «Скорую» вызывать не надо. Я сама врач, так что справлюсь как-нибудь. Привязалась болячка какая-то непонятная. Суставы ломит, все тело крутит, на погоду, наверное.

– Наверное, – согласился Иван, бросив взгляд за окно, где, кажется, пошел дождь. – Это хорошо, что вы врач. Как говорили древние, «medice, cura te ipsum!».

– Врач, исцелися сам. – Она слабо улыбнулась и посмотрела на него с некоторым уважением. – Ну надо же, никогда не думала, что в этой дыре можно встретить человека, говорящего по-латыни.

– Ну, положим, на латыни я знаю всего лишь несколько выражений, общеизвестных притом. А врачи у нас в семье – мама и сестра. А я выродок, грузы гоняю. Вы как, встать можете?

– Могу, наверное. – В голосе ее прозвучало легкое сомнение, но она приподнялась и села на диване, свесив ноги на пол.

– И? – Он выжидающе смотрел на нее.

– Голова немного кружится, но не смертельно. – Незнакомка встала, схватилась за Корсакова, чтобы не упасть, и тут же обрела устойчивость. – Спасибо вам, что вы меня спасли, но я, наверное, пойду.

– Может, вас отвезти? – предложил он, впрочем, довольно неуверенно. Ему хотелось есть и спать, а вот снова выходить из дома на мокрую ветреную улицу не хотелось совершенно.

– Да некуда меня везти, – ответила женщина. – Я в этом доме живу. На пятом этаже, как раз над вами. Шла домой и не дошла, в обморок свалилась. Вы меня проводите до квартиры, если вам не трудно, а там уж я сама. Можете?

– Конечно. – Иван был так рад, что на улицу выходить не надо, что был готов оттарабанить ее на пятый этаж на руках. – Вы дойти сможете? А то я донесу.

– Смогу. – Она снова улыбнулась, поморщилась от какой-то неведомой ему боли и не оглядываясь пошла к выходу. Чувствуя себя отчего-то полным дураком, Иван поплелся за ней. Молча они поднялись на пятый этаж, она отперла дверь и скрылась внутри своей квартиры.

– Меня, кстати, Лида зовут, – сказала она перед тем, как закрыть дверь перед его носом. – Спасибо еще раз. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – буркнул Иван дерматину, оказавшемуся перед его носом, легко сбежал по ступенькам вниз, захлопнул свою дверь и, предвкушая ужин и кручинясь о бесславной гибели чекушки, пошлепал на кухню ставить чайник. О своей соседке с разноцветными глазами он тут же забыл.

Глава вторая

Обратной дороги нет

Подлинное счастье стоит недорого. Если за него приходится платить большую цену, значит, это фальшивка.

Коко Шанель

Проснувшись, Лида первым делом прислушалась к своим ощущениям. За последнее время это успело войти в привычку. Иногда ей казалось, что по какому-то зловредному природному волшебству она в мгновение ока состарилась. Еще три месяца назад была цветущей тридцатилетней женщиной и вдруг стала древней старушкой, у которой каждый день болит что-то новое.

Расхожую фразу «не понос, так золотуха» она теперь понимала буквально. Расстройство кишечника стало привычным, она даже внимания на него особого не обращала. Болели суставы рук и ног, их просто выкручивало, особенно в сырую погоду. А так как декабрь в этом году выдался дождливым и мокрым, то

боль практически не отпускала, не давая спать по ночам.

Уголки рта потрескались, и Лида даже проколола себе курс витамина В, который не помог ни капельки. Она постоянно испытывала слабость, тахикардия сменялась приступами удушья, а пару дней назад она вообще свалилась в обморок в подъезде, что было совсем уже тревожным симптомом.

Наверное, она бы затеяла серьезное обследование, чтобы понять, отчего это вдруг начала рассыпаться на части, если бы в глубине души не знала, что именно стало причиной ее странного недомогания. Нервы.

Этим летом Лида пережила развод, настолько же тягостный, как и внезапный. Она бы в жизни не поверила, что ее муж, с которым они познакомились на первом курсе института, а на втором уже поженились, после двенадцати лет брака вдруг решит скоропостижно развестись.

Славка был долговяз, вихраст и близорук. В жизни его интересовали только две вещи – медицина и Лида. Даже на родившуюся через год после свадьбы Лизу он всегда обращал ничтожно мало внимания. Так что детские пеленки, первые шаги, первые же болезни и все остальное, связанное с наличием в доме маленького ребенка, легли именно на Лидины плечи. А она же еще при этом и училась, принципиально не уходя в академку, чтобы не отстать от курса и, в первую очередь, от Славки.

Конечно, ей помогала свекровь, с которой они жили. Без свекрови она ни за что бы не справилась. Лида вообще привыкла считать, что с матерью мужа ей повезло. Та никогда не видела в ней соперницы, против свадьбы не возражала, радушно приютила молодую семью у себя, безропотно готовила еду, нянчила Лизу, никогда ничем не возмущалась и никогда с Лидой не ссорилась. Чудо была, а не свекровь. Но ровно до тех пор, пока Славка, по своей всегдашней привычке не сдвинув очки на кончик носа, не сообщил, что полюбил другую.

Новый выбор сына свекровь восприняла с тем же спокойствием и радушием, что и первый. Меньше чем за месяц Лида оказалась без мужа, без свекрови, а заодно и без места жительства. Конечно, можно было вернуться к родителям, что она и сделала. Но там в двухкомнатной хрущевке кроме мамы и папы жила еще старшая Лидина сестра Маша со своим мужем и двумя сыновьями. И всего за пару дней стало совершенно ясно, что не только москвичей испортил

квартирный вопрос. Лиду с Лизой здесь, конечно, любили, но ютиться ввосьмером на сорока трех квадратных метрах было невозможно.

Нужно было срочно что-то решить, и, немного подумав, Лида решила. Она была отличным педиатром. Знающим, опытным, чутким, искренне любящим детей. В поликлинике, в которой она работала, с ней горя не знали, и все-таки Лида оттуда уволилась и переехала в райцентр, расположенный в сорока километрах от того города, где она родилась, выросла и окончила мединститут.

Центральная районная больница представляла из себя обшарпанное, пахнущее прокисшими щами здание, издалека выглядевшее местом боли и скорби. Кадровый голод здесь был просто чудовищным, педиатров, естественно, тоже не хватало, зато желающим приехать сюда работать тут же давали служебную квартиру. И этот фактор стал решающим.

Конечно, в облздраве Лидии Корниловой на выбор предложили сразу три центральные районные больницы, и везде с благоустроенным жильем, но место, в котором она сейчас жила, было ближе всего к областному центру, где оставались родители, а вместе с ними театры, магазины и прочие огни большого города, к которым она привыкла с детства.

Как бы то ни было, с первого сентября она работала именно здесь, потихоньку обживая старую обшарпанную квартиру, в которой до нее жил бывший заведующий терапевтическим отделением, не ушедший на пенсию по причине того, что заменить его было некем, и скоропостижно скончавшийся за два месяца до ее приезда. В первые же дни Лида переклеила обои, купила новые тарелки и чашки, вымыла окна, повесила яркие тюлевые шторы, водрузила на колченогую плиту новенький чайник в ярко-красный горох, оглядела свое убогое жилище и, глубоко вздохнув, решила, что для начала нового жизненного этапа все очень неплохо.

Одиннадцатилетняя Лиза осталась пока у свекрови. В новую школу Лида планировала перевести ее со второго полугодия, чтобы дать самой себе время привыкнуть к новому месту работы и к новому для себя статусу разведенной женщины.

Она никогда-никогда не думала, что Славка, ее Славка, который помогал ей готовиться к экзаменам, вместе с ней учил неподдающуюся латынь, объяснял ей

отличие латеральных и медиальных коленчатых тел в головном мозге, может ее бросить. Его не интересовали другие женщины. Лида могла голову дать на отсечение, что в институте он ни разу не повернулся в сторону любой, даже самой расписной красавицы. Он был настолько рассеян во всем, что не касалось медицины, что никогда не мог ответить, как выглядел человек, только что вышедший с его приема. Симптомы и диагноз он помнил, возраст и пол тоже, а все остальное – нет, увольте.

Новая медсестра отделения, где он работал, окрутила его всего за месяц. Он очутился с ней в постели во время одного из дежурств и оказался погребенным под шквалом новых эмоций, вызванным многообразием поз, вкусов и ощущений. Медсестра была ураганом, в сравнении с которым смешливая рыжая конопатая Лидка казалась скучным, нудным, зарядившим на весь день мелким осенним дождиком, противно заливающим за воротник.

Он развелся, так и не приходя в сознание. Его тянуло к своей новой любви, как наркомана к очередной дозе. И все преграды, встающие на пути в виде жены и дочери, были сметены, разрушены и выброшены и из жизни, и из сознания.

Свекровь, приглядывающая за Лизой, подробно и обстоятельно отвечала на вопросы о ее самочувствии и успеваемости, поведении и новых увлечениях. Лида тосковала по дочери самозабвенно и горячо. Повидаться с ней удавалось урывками и даже не каждую неделю. Потому что на выходные ей, как правило, ставили дежурства, а она и не возражала. Рассчитывать теперь нужно было только на себя, так что прибавка к зарплате была нелишней. Разговаривали они с дочкой каждый день, Лиза грустила, иногда плакала, но в маленький городок не рвалась. Ей не хотелось идти в новый класс, где не было надежных друзей и где ее вряд ли кто-то ждал.

Приехав к матери в какой-то из выходных на рейсовом автобусе, девочка пришла в ужас от города, от квартиры, от встреченных во дворе подростков и дала понять, что не против остаться с отцом и бабушкой и дальше. Лиду этот вариант не устраивал категорически, хотя, понаблюдав за Лизиными сверстниками, она понимала, что данная компания вряд ли будет подходящей для ее дочери, да и вряд ли примет ее в свой круг.

До Нового года оставалось меньше месяца, а Лида так и не могла решить для себя, перевозить ей Лизу к себе или все-таки пойти на поводу у дочки и оставить ее у бабушки. Правда, свекровь пару дней назад звонила и что-то виновато

мямлила в трубку про то, что ребенку лучше жить с матерью. Лида из ее речи ничего не поняла, от бестолковости разговора устала, затем рассердилась одновременно и на себя, и на свекровь и от злости довольно резко спросила, что, собственно говоря, та имеет в виду.

Свекровь окончательно стушевалась, расстроилась, замямлила еще сильнее, но все-таки, запинаясь и ужасаясь, объяснила, что по вечерам из комнаты Славки и его новой пассии раздаются такие звуки, что даже ей, взрослой, пожившей женщине, похоронившей мужа, сменившей трех любовников и сделавшей два аборта, становится неловко, а уж одиннадцатилетнему подростку слушать все это и вовсе не полагается.

– Они что, все время трахаются? – грубо спросила Лида, которой вдруг стало нестерпимо обидно. С ней Славка исполнял супружеский долг раз в неделю и то после особого напоминания. А тут, поди ж ты, откуда что и берется.

Свекровь подтвердила, что каждый и иногда не по одному разу, и все это сопровождается стонами, криками и таким бурным расшатыванием кровати, что уже неудобно не только перед Лизой, но и перед соседями. В общем, стало ясно, что Лизу после каникул нужно забирать. Этому обстоятельству Лида радовалась и печалилась одновременно.

Особенно ее тревожило, что во время ее дежурств дочка будет оставаться одна. Конечно, Лиза уже не была маленьким ребенком, которого нельзя оставить ночевать одну, однако в новом доме и в сомнительном окружении ребенку все равно будет некомфортно, а Лиде тревожно.

Если бы ее спросили, что больше всего угнетает в новом для нее месте, то она бы назвала не разбитые улицы и темные дворы, не общую безысходность, которая исходила от людей и зданий и даже, казалось, была разлита в воздухе, а пустые глаза детей. Как врач она знала, что такой пустой, ничего не выражающий взгляд бывает у наркоманов, причем не героиновых или кокаиновых, а тех, кто нюхает клей в подворотне, натянув на голову полиэтиленовый мешок, украденный в ближайшем магазине.

Самая большая школа в городе была коррекционной. Здесь училось шестьсот детей с отклонениями в умственном развитии. Пожилая врач-терапевт, с которой Лида общалась в больнице за полным неимением коллег-сверстников,

как-то с горечью сказала ей, что еще двадцать лет назад в городе было всего два коррекционных класса, а потом уже пришлось открывать все новые и новые и пять лет назад создать специальную школу, которой выделили здание закрытого за ненадобностью сельскохозяйственного училища.

– Отчего ж тут так? – спросила Лида. – Экология плохая?

– Да ну, – докторица усмехнулась недобро. – Сейчас можно все на плохую экологию списывать, хотя ни при чем она тут. В советские-то годы на город два целлюлозно-бумажных комбината выхлопы давали, без всяких очистных, между прочим. Астма была, это да, пневмонии, рак легких… А вот дураки не рождались. А потом, когда в перестройку заводы позакрывались, так от безделья народ в пьянку-то и ударился. И пошло-поехало. Детишки с отклонениями. От водки все, а не от экологии. Все беды в нашей стране от водки.

С этим Лида, пожалуй была согласна. Пьяные люди попадались ей навстречу с пугающей регулярностью. У некоторых взрослых были такие же пустые глаза, как и у подростков, собирающихся шумными большими компаниями во дворах и подъездах. У других, и этих она боялась гораздо больше, на лице была написана агрессия и такая сильная ненависть ко всем, чья жизнь сложилась хотя бы на копейку успешнее, что при встрече с ними внутри сворачивался витой упругий ком, который пульсировал от страха.

Ни за что на свете Лида не хотела, чтобы ее дочка сталкивалась как с детьми, так и со взрослыми с пустыми или яростно горящими глазами. Но, похоже, выхода не было. В который уже раз она недобрым словом помянула бывшего мужа. И угораздило же его влюбиться и создать Лиде целый ворох бытовых проблем.

Как бы то ни было, Лизу после Нового года нужно было забирать от ловеласа-папаши и обустраивать на новом месте. И за оставшийся до начала третьей четверти месяц нужно было не только договориться со школой и осуществить переезд, но и решить, кто будет приглядывать за дочкой, когда Лида окажется на ночном дежурстве.

Не брать их было невозможно, потому что работать в больнице оказалось катастрофически некому. В ночные смены Лида была не только за педиатра, но и за терапевта, травматолога, кардиолога, невролога. С горькой усмешкой она

думала, что за три месяца прошла такие курсы повышения квалификации, за которые и заплатить бы не грех. Из очень хорошего врача узкой квалификации она превратилась в специалиста общей практики, причем много и успешно работающего «на земле».

Она не возражала против дежурств еще и потому, что ей очень нужны были деньги. Пока Лиза жила у свекрови, Славка даже не думал платить алименты. Лида полагала, что это справедливо, хотя не могла быть уверена в том, что после того, как она заберет дочку, ситуация в корне изменится.

Конечно, надо признать, что в этом городе деньги уходили гораздо медленнее, чем в областной столице, сказывалось отсутствие соблазнов. А еще, как бы это странно ни звучало, на работе Лида чувствовала себя гораздо лучше, чем дома. В прямом смысле слова. После ночного дежурства, когда она проводила в больнице больше суток, у нее нормировался пульс, меньше кружилась голова, проходили ставшие уже почти привычными рези в животе. Лида отдавала себе отчет, что так быть не может, а значит, все ее симптомы вызваны обычным бабским неврозом, но как бы то ни было, в больнице ей становилось легче.

Вот и сейчас, подходя к зданию, издалека распространяющему острый кислый запах страданий, подгоревшей каши и прогорклого масла, она невольно улыбалась. Впереди был день работы, за которой можно было не думать о том, какой подлец Славка, а потом ночь дежурства, наверняка приготовившая сюрпризы, а потом еще один длинный рабочий день, после чего можно будет прийти домой, упасть без сил на кровать и отдаться на волю чугунной усталости, не оставляющей сил на какие-то дурацкие мысли и расстройства. Если не думать о плохом, то так, глядишь, и невроз пройдет.

Круговерть дел заняла ее так сильно, что только к вечеру Лида вспомнила, что сегодня ничего не ела. Аппетита у нее в последнее время не было ни капельки. После еды все время тошнило, и в животе начинались рези, но есть все-таки было нужно. Лида и так потеряла уже пять килограммов, и если поначалу она не имела ничего против того, чтобы привести фигуру в порядок, то сейчас потеря веса уже начала раздражать, поскольку в зеркале, вделанном в старый потрескавшийся шкаф, стоящий в ординаторской, отражался ходячий скрюченный скелет.

Вздохнув при мысли о собственном несовершенстве (совершенных женщин подло и без объявления войны не бросают мужья), она щелкнула кнопочкой

чайника и достала из холодильника, который, судя по всему, был ей ровесником, пакет с прихваченными из дома бутербродами. Из-за плохого аппетита, а также полного отсутствия желания готовить для себя одной, Лида полностью перешла на бутерброды, чему, положа руку на сердце, была сильно рада.

Готовила она хорошо и все годы своей семейной жизни потчевала Славку и Лизу разносолами, заставляющими даже свекровь одобрительно улыбаться и поднимать кверху большой палец. Лида пекла пироги, про которые друзья их семьи говорили «ум отъешь», варила тридцать разновидностей супов, не ленилась затеваться с холодцом или паштетами, жарила, запекала и тушила мясо, обожала готовить дичь, но при этом сердце ее с детства было отдано именно бутербродам. Она искренне полагала, что это самая вкусная еда на свете, только никому не рассказывала о своих плебейских пристрастиях.

Здесь она отрывалась по полной, готовя бутерброды с колбасой и сыром, огурцом и лососем, вареными яйцами и овощами. Все это она запивала горячим сладким чаем и даже мурлыкала от удовольствия, так ей было вкусно. Бывали, правда, дни, когда бутерброды оставались лежать в холодильнике, оттого что особенно сильно скручивало живот, но сегодня Лида чувствовала, что сможет поесть.

Она доедала уже третий бутерброд с копченой колбасой, нарезанной тонкими, словно прозрачными лепестками (она убеждала себя, что так копченая колбаса особенно вкусна, не говоря уже о существенной экономии), когда зазвонил телефон. «Вася», – высветилось на дисплее.

– Васька, привет! – закричала Лида в трубку. Они почему-то всегда разговаривали очень громко, не стесняясь своих эмоций.

– Привет, Лидка! – так же загрохотал знакомый, до боли родной голос в трубке. – Как ты там без меня, на чужбине? Не пропала еще?

– Не пропала, Вась. – Лида невольно улыбнулась. – Хотя очень жаль, что кто-то оставил меня на произвол судьбы, несчастную брошенную разведенку, а сам укатил в город на Неве и там предается счастью и процветанию.

– Лидка, приезжай к нам на Новый год, – тут же предложил голос в трубке. – Я тебе, собственно говоря, специально для этого и звоню. Бери Лизу и приезжай.

По театрам походим, по музеям.

– А вы что, в Германию не уезжаете к маме? – поинтересовалась Лида. Искушение все бросить и уехать было таким сильным, что она даже зажмурилась.

Так уж встали звезды, что этот Новый год ей было встречать не с кем и негде. Если только с родителями и семьей сестры. Обычно они со Славкой отмечали дома, поскольку искренне полагали, что это – семейный праздник. В этом году у Славки все должно было остаться по-прежнему, правда, на месте Лиды в семью вошла новая жена, но для него и свекрови это мало что меняло.

– В Германию поедем, но позже, числа пятого, – жизнерадостно сообщил Вася. – У Вальтера какие-то важные дела нарисовались, причем аккурат под Новый год. Он в командировку улетает, вернется тридцать первого днем. Так что приезжай, наболтаемся вволю, вместе стол накроем, отметим, как белые люди, а потом мы в Германию улетим, а вы с Лизоном можете остаться до конца каникул. Ну как тебе перспектива?

Если бы не три дежурства, стоящие в графике в новогодние каникулы, а еще острая необходимость решать с Лизиным переездом и устройством в новую школу, то Лида обязательно бы согласилась. Васька, а точнее Василиса Истомина, была ее лучшей еще со студенческих лет подругой. Они познакомились на абитуре, когда сдавали вступительные экзамены, и с тех пор оказались неразлейвода.

Их дружба прошла испытание ранним Лидиным семейным счастьем, долгим Васькиным одиночеством и неудачными романами. Устояла она и сейчас, когда Лида скоропостижно развелась, а Васька, наоборот, удачно вышла замуж за питерского бизнесмена. Ее мама, в свою очередь, вышла замуж за отца Васькиного мужа, с которым у них, оказывается, в молодости случилась страстная любовь, и теперь жила в Германии[1 - Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Ключ от незапертой двери». – Прим. авт.].

– Я бы приехала, Вась, – честно призналась Лида, – но у меня дежурства стоят. Так что в следующий раз. Может, на майские выберемся. В Питере зимой гулять – слабое удовольствие, сама знаешь. А до мая я тут все свои неприятности разгребу и приедем. Честно.

– И много ли неприятностей? – спросила проницательная Василиса. – А то, гляди, подруга, если что, я к тебе приеду. Для бешеной собаки семь верст не крюк, вот отправлю Вальтера в его командировку, бабулю проведаю и к тебе махну.

– Приезжай, я тебе всегда рада, – засмеялась Лида. – А что касается неприятностей, то, во-первых, ничего нового, а во-вторых, ничего такого, с чем я бы не смогла справиться.

– Ладно, смотри у меня, – нестрашно пригрозила Васька.

В больничном коридоре застучали частые дробные шаги, которые Лида уже узнавала. Медсестра Варя не ходила, а бегала. Только в этом году девчушка окончила медучилище, а потому очень боялась за жизнь каждого привезенного пациента.

– Все, Васенька, позже поговорим, – сказала Лида в трубку. – Мне, похоже, пациента привезли.

– Ну давай, беги выполнять клятву Гиппократа, – согласилась Василиса. Подруга тоже была врачом, причем хорошим. До отъезда в Питер трудилась она реаниматологом в областной клинике, а сейчас устроилась в знаменитую Александровскую больницу города на Неве, в которой когда-то работал еще ее отец. – Но позже перезвони мне. У меня новости есть.

– Хорошо, – торопливо ответила Василиса, думая уже о работе. Про последние слова подруги она благополучно забыла. – Ну что там, Варя?

– Мужчину привезли с пробитой головой, – чуть захлебываясь в словах, сказала медсестричка. – Ударили чем-то тяжелым в подъезде дома. Соседи нашли. Он без сознания.

– Эхе-хе, грехи мои тяжкие, – пробормотала Лида. – Если не очухается, придется нейрохирурга из области вызывать. А не хотелось бы. Ладно, может, сами справимся.

Быстро доев остаток бутерброда и залпом выпив уже изрядно остывший чай, она направилась ко входу в приемный покой.

Доставленный «Скорой» мужчина лежал на кушетке. Выглядел он вполне прилично, даже слишком прилично для здешних мест. Дорогой финский пуховик (в прошлой жизни Лида мечтала когда-нибудь купить такой Славке), хорошего качества ботинки, фирменные джинсы и пуловер из тонкой шерсти, которая не скатывается и не сваливается даже после десяти стирок.

Мужик казался смутно знакомым, хотя Лида и не могла припомнить, откуда может его знать. У него было мужественное и волевое лицо, хотя и чуть-чуть грубоватой лепки, покрытое остатками явно средиземноморского загара. Сейчас лицо было бледно, под глазами залегли черные тени, выдававшие сотрясение мозга. Но несмотря на это, он был по-мужски привлекателен, в первую очередь из-за исходящей от него ауры надежности и основательности. К примеру, Славик никогда так не выглядел, хотя черты лица у него были правильные и более тонкие.

Лида смочила ватку нашатырем и поднесла к носу пациента. Тот дернулся, чихнул и открыл глаза, пытаясь сфокусироваться на лице склонившейся над ним Лиды.

– Ш-ш-ш, – успокаивающе произнесла она. – Не двигайтесь. У вас, скорее всего, сотрясение мозга. Так что не пробуйте встать. Голова кружится? Тошнит?

Он попытался отрицательно покачать головой и тут же скривился.

– Болит, – произнес он чуть слышно. – Не сильно, но все-таки ощутимо. Таблетку дадите какую-нибудь?

– Сейчас обследую вас и укол сделаю, – кивнула она. – Потом, когда поспите, в полицию позвоним, чтобы они с вас показания сняли. Вы помните, как вас по голове ударили?

Мужчина задумался, вспоминая обстоятельства случившегося.

– Зашел в подъезд, там темно было. Лампочка опять не работала, – сказал он. – А потом на площадке между вторым и третьим этажами какая-то тень метнулась навстречу, удар, и больше ничего не помню.

Он еще на секунду задумался и вдруг неожиданно улыбнулся.

– А я же вас знаю, – сказал он. – Наш подъезд не только для меня богат на приключения, но и для вас тоже. Вы меня не узнали? Я Корсаков.

– Римский? – невольно спросила Лида и вдруг ойкнула. Однажды она уже совершенно точно произносила ту же самую фразу. Это было несколько дней назад, когда ей стало плохо в подъезде, а этот мужчина принес ее к себе домой, привел в чувство, а потом проводил до квартиры. Выходит, это ее сосед…

– Узнали, – удовлетворенно ответил он. – Так что, наверное, помните, что композитору я не родственник. Тот был Николай Александрович. А я Иван Михайлович. Можно просто Иван.

– Лидия Сергеевна, можно просто Лида, – растерянно представилась она, забыв, что уже называла ему свое имя при первой встрече.

– Я помню, – просто ответил он, и она почему-то обрадовалась, что сосед не забыл, как ее зовут. – А еще помню, что у вас отчего-то глаза разного цвета.

– Это явление в медицине называется гетерохромией, – зачем-то объяснила Лида. – Феномен разных глаз встречается примерно у одного процента жителей Земли.

– Значит, мне повезло, что я встретил девушку, входящую в один процент, – развеселился Иван. – Сначала я вас спас, а теперь вы меня спасаете. Это же должно что-то означать. Как вы думаете?

– Я думаю о том, есть у вас сотрясение мозга или нет, – честно призналась Лида. – Потому что мне очень не хочется вызывать нейрохирурга из области. Это всегда чревато недовольством, как нейрохирурга, так и нашего главврача.

– Не надо никого вызывать, – сообщил Иван. – Голова у меня крепкая, я ее в детстве не раз ронял и об батарею, и о железную штангу хоккейных ворот. Погудит и пройдет. Вы мне укол обещанный сделайте, я поеду посплю и утром встану как новенький.

– Вы как хотите, но я за вами все же понаблюдаю, – сказала Лида. – Черепно-мозговые травмы вещь серьезная. Так что до утра я вас не отпущу.

– Значит, буду спать здесь, – согласился Корсаков. Видимо, голова у него все-таки болела и мысль о том, что нужно добираться до дома, не вселяла оптимизма. – А утром пойдем вместе, раз уж мы соседи.

– Я до вечера работаю, – невольно улыбнулась Лида. – И если утром я приму решение, что вас можно отпустить домой, то вечером зайду проведать, по-соседски. Убедиться, что с головой вашей все в порядке.

– С головой у меня было не в порядке, когда я решил сюда переехать, – неожиданно зло сказал ее новоиспеченный пациент. – Оттого и огребаю по полной программе. Ну да ладно, обратной дороги нет. Только вперед.

– Только вперед, – повторила Лида в унисон своим мыслям. – Обратной дороги нет. И ничего уже не вернуть.

Только вперед. Это замечательное правило должен взять на вооружение любой человек, мечтающий о том, чтобы его неприятности кончались.

Кончатся ли от этого неприятности, точно сказать нельзя, но и в каше из собственных переживаний, сомнений, колебаний и пустых надежд топтаться наконец-то перестанешь.

В любой ситуации, какой бы тяжелой и неразрешимой она ни казалась, нужно поступать просто – идти вперед. И все.

Что ждет там, впереди? Пока не дойдешь, не узнаешь. Но и ведь позади ничего хорошего не осталось, раз уж ты так мечтал оттуда вырваться. Поэтому дерзай, щупай, пробуй на вкус ту новую жизнь, которая открывается тебе с каждым шагом. Не понравится? Пойдешь дальше. Не вернешься назад, в изжитое, затертое до мягкости, привычное и до зубовного скрежета знакомое прошлое, а снова вперед, туда, к линии горизонта.

Признаться, эта технология требует определенной смелости. Но она, и только она двигает нашу жизнь, не давая топтаться на месте. Развод? Иди вперед, там

тебя ждет свобода, новые отношения и новая жизнь без ежедневного выяснения отношений. Болезнь? Решайся на операцию. Лучше попробовать и проиграть, чем мучиться тревогами в ожидании неизбежного угасания. Уволили? А вдруг там, в новой жизни без постылой и нудной работы, будет проще и честнее? По крайней мере, по отношению к самому себе.

Режь. Строй. Рожай. Пиши. Меняй. Меняйся. И каждое утро, открывая глаза, улыбайся солнцу или темноте, которые за окном, и говори себе: «Сегодня только вперед».

Глава третья

До первой крови

У старых грехов длинные тени.

Агата Кристи

С ударом по голове было что-то не так. Нет, Корсаков в принципе не был удивлен, потому что с первых же дней пребывания в этом городе втайне ожидал чего-нибудь подобного. Подкараулить человека, приехавшего на дорогой машине, огреть его чем-нибудь тяжелым и, пока жертва в отрубе, вытащить портмоне было очень в стиле пыльного и затхлого городишки, в котором он оказался. Но вот незадача, как раз кошелек-то остался в целости и сохранности. Это Иван проверил сразу после того, как немного очухался на больничной койке.

И кошелек был на месте, и ключи от машины, и золотая печатка на безымянном пальце левой руки, которую он носил для форса. Вот и получалось, что бить его по голове не имело ни малейшего смысла. Может быть, причина в покупке порта? Вдруг он что-то упустил и кто-то из рабочих невзлюбил его настолько, что решил убить? Или миноритарный акционер таким образом выразил свое несогласие со сделкой?

Но никто не опротестовывает таким образом покупку, со времени которой минуло три месяца. И за закручивание гаек или даже увольнение так не мстят.

Глупости все это. Хотели убить? Так убили бы. А так всего лишь по голове съездили. Не очень-то и сильно, надо признать. Сотрясение мозга, конечно, есть, голова побаливает, особенно к вечеру, когда накапливается усталость, и зрение как-то не в фокусе. Но ничего такого, что могло бы повлечь за собой серьезные неприятности для нападавшего.

Менты, как водится, даже дело открывать не стали. Участковый, совсем еще зеленый юнец, так просительно смотрел, чтобы Иван не портил ему декабрьскую отчетность, что тот только рукой махнул и заявление писать не стал. Дали по голове, и бог с ним, проехали.

И все-таки что-то было не так. Иван чувствовал это всей кожей. В дальнобойщицкой своей молодости он много раз выходил целым и невредимым из очень серьезных передряг только потому, что у него была потрясающая интуиция. Он заранее предчувствовал неприятности, а когда они происходили, превращался в мощный и чуткий локатор, воспринимающий малейшие колебания окружающей среды. Он улавливал нюансы происходящего, позволяющие ему сделать точные выводы и минимизировать последствия.

Вот и сейчас он был уверен, что, как говаривал друг его детства Винни-Пух, «это ж-ж-ж неспроста». Вот только ответа на вопрос, чем оно вызвано, у него не было. Нужно было ждать и внимательно следить за тем, что будет дальше. Провалявшись дома три дня, на протяжении которых он со всех сторон обдумал случившееся, но не пришел ни к каким выводам, Иван вышел на работу. Про удар по голове ему отчего-то рассказывать было стыдно, и он малодушно умолчал о причинах своего трехдневного отсутствия. Начальник. Имеет право. Наорал на финансового директора, лишил премии главного инженера, не выдержал и уволил двух работяг, пришедших с утра даже не с похмелья, а реально не вязавших лыка. Жизнь приобрела привычные очертания.

Выпустив пар, Иван вернулся в свой кабинет, через окно которого открывался вид на заснеженную, но не до конца замерзшую этой зимой реку, выстроенные в ряд баржи, уходящие стрелами в хмурое серое небо башенные краны, и вдруг поймал себя на мысли, что за три месяца эта картина стала для него не просто привычной, а радующей глаз.

«Владелец заводов, газет, пароходов, – пробормотал он про себя. – Заводов и газет, конечно, нет, но какие наши годы. Год назад пароходов тоже еще не предвиделось, а вот поди ж ты».

Как бы странно это ни звучало, он практически не вспоминал про свой основной бизнес, много лет бывший его любимым детищем. Конечно, можно было сколько угодно уговаривать себя, что в Паше Яковлеве он уверен, как в себе, что тот не может допустить ни ошибок, ни даже мало-мальски серьезных просчетов, что автоперевозки не требуют его вмешательства, а он просто сосредоточен на новом, пока еще очень трудном для себя деле, но Иван никогда не врал самому себе.

Руководство портом захватило его целиком и полностью. Это было новое, интересное, увлекательное занятие, в котором ему хотелось расставить все по полочкам, навести порядок, заставить работать как часы. Заниматься перевозкой грузов, как раньше, ему уже было неинтересно, и именно поэтому он скинул все на Пашу, не задавая тому вопросов о делах даже для приличия.

Скорее из чувства неудобства перед старинным другом и напарником, чем по душевной необходимости, Корсаков принял решение позвонить Яковлеву прямо сейчас. Тот ответил быстро и довольно нервно.

– Да, – отрывисто произнес хорошо знакомый голос в трубке. – Ванька, ты чего звонишь, случилось что-то?

– А для того, чтобы я тебе позвонил, должно что-то случиться? – удивился Корсаков. – Если не считать того, что меня три дня назад по голове огрели, то нет, ничего нового.

– По голове-е-е… – В голосе Паши тоже прозвучало удивление. – И кому ты там, мил друг, дорогу перешел? Уволил кого-то сгоряча или чужую жену успел увести?

– Думаешь, по голове дают только за это. – Иван коротко хохотнул, оценив шутку. – Нет, Паша, думаю, хулиганы. Хотели поживиться чем-то, да похоже, спугнул их кто-то. В общем, неважно. У тебя-то как дела?

– Меня по голове никто не бил, слава богу. Ты чувствуешь-то себя как?

– Да нормально я себя чувствую, у меня ж голова железная. Пашка, у нас в конторе все нормально?

– Вань, ты, может, не в себе после того, как по голове получил? – осторожно поинтересовался Яковлев. – Что у нас в конторе может быть не нормально. Падение заказов было в октябре, так я его уже ликвидировал. Сейчас перед Новым годом деловая активность неплохая. До уровня прошлых лет, конечно, недотягиваем, но на хлеб с маслом хватает. Ребята тут бузили по поводу «Платона», хотели в Москву ехать, но я их остановил вроде.

– Погоди, что значит «вроде»? – Корсаков вдруг заволновался. – Нам митинговать некогда, нам работать надо. Любого, кто на работу не выйдет, уволю к чертовой матери.

– Ива-ан, угомонись, – голос Паши звучал насмешливо. – Я ж тебе сказал, что все под контролем. На наш местный митинг я парней отпустил, чтобы пар выпустили, а в Москву, сказал, ни-ни. Все равно не доедут. Остановят на дальних подступах к столице. Вон, читал, что в Бакланке делается?

– Нет, – честно признался Иван.

Бакланка была большим перевалочным пунктом в Вологодской области. Место он это знал, но новостей оттуда не слышал.

– Ну ты даешь, ты там в своей глуши вообще от жизни отстал. Все фуры, которые с северо-запада к Москве стягивались, в Бакланке останавливали. Дня три простояли. Им туда полевую кухню привезли, все дела. В общем, я нашим на том примере объяснил, чтобы дурью не маялись.

– Точно хорошо объяснил? – на всякий случай спросил Корсаков, хотя понимал, что точно. Точнее не бывает. – А то в конце декабря приеду, добавлю.

– Как же ты приедешь, с пробитой-то головой. Ты что, за руль в таком состоянии собрался? – вдруг встревожился Паша. – Не дури, Ванька. Я тут все контролирую нормально. Ты лечись давай.

– Да хорош за меня переживать, – засмеялся Корсаков. – Я же не красна девица. Все хорошо со мной, Пашка, точно тебе говорю. Так что приеду. Повидаемся, выпьем за Новый год. Да и по Рите я, если честно, соскучился.

Ритой звали корсаковскую любовницу. В его конторе она уже лет пять работала главным бухгалтером, совмещая это с бурной личной жизнью. Темперамент у нее был бешеный. В постели это Ивана вполне устраивало, а вот вне ее выносить Риту было тяжеловато. Бухгалтером она была отличным, поэтому на работе он ее терпел, а вот его личное пространство требовало проветривания от терпкого запаха ее духов, поэтому побег в провинциальную глушь был еще и отличным способом если не избавиться, то хотя бы отдохнуть от Риты.

– На сладенькое потянуло. – Яковлев понимающе хмыкнул в трубке. – Что ж, понимаю. Ритуля тут уже все глазоньки о тебе проплакала. Уехал, говорит, мой сокол ясный на чужбину, бросил тут одну.

– Даже если б я ее с собой взял, так она ведь не согласилась бы. – Иван представил гламурную Риту, не менее трех раз в неделю пропадающую в тренажерном зале, регулярно посещающую салон красоты и ходящую на непомерно высоких каблуках, на здешних улицах и не выдержал, заржал. – Нашу Ритулю можно выпускать только на просторы Невского проспекта. Она себя в глуши похоронить не даст. Так что пусть красуется там, у тебя. А я тут уж как-нибудь.

– Так ты ж сам сказал, что соскучился…

– Ну, конечно, соскучился. После трехмесячного воздержания. Гормоны-то играют.

– Неужели ты там себе никого не завел? – В голосе Паши послушалось изумление. – Корсаков, ты там вообще как, здоров?

– Вполне, – сообщил Иван, вдруг представив давешнюю врачиху, свою соседку. Тоненькую, угловатую, с рыжими непокорными волосами, веснушками, не поблекшими зимой, и разноцветными глазами. Он и сам не знал, почему вспомнил сейчас именно о ней. Вспомнил и вдруг испытал прилив острого желания. Как школьник. – Вполне здоров, Пашка. И изнываю от желания трахнуть Риту. Можешь ей передать, что приеду и сутки из постели не выпущу.

– Сам передай, – вдруг неожиданно зло сказал Паша. – Она тебе не наложница, а я – не твой евнух.

– Ты чего, обиделся, что ли? – удивился Иван, уже приходя в себя от странного наваждения. – Что я такого сказал?

– Ничего. – Из Пашки вдруг выпустили воздух, как будто из воздушного шарика. – Давай, Корсаков, мне некогда. У меня тут ребята в приемной за путевками стоят. Мне работать надо.

– Ну-ну, иди работай, – насмешливо сказал Иван, не понимая, какая муха укусила его друга и давнего партнера. – Приеду, разберемся. А пока мне тоже работать надо.

Помимо ремонта судов и поиска заказов на следующую навигацию Иван обнаружил еще одно направление, в котором могла бы работать его новая компания. Точнее, идея строить и продавать наплавные мосты принадлежала Алексею Беляеву, тому самому миноритарному акционеру, который был категорически против продажи бизнеса и верил, что именно наплавные мосты спасут порт от неминуемого банкротства.

Главный акционер считал идею бредовой, а потому, получив предложение Корсакова о покупке бизнеса, уцепился за него обеими руками. Беляев же, забрав свою долю денег, встретился с Иваном и поделился своими планами по спасению порта, и, обдумав их, Корсаков решил, что в этом что-то есть.

Зима была прекрасным временем, чтобы попробовать. Последние три недели Иван потратил на то, чтобы прочитать про наплавные мосты все, что мог найти, и убедился, что штука эта действительно экономически выгодная. На их возведение требовалось гораздо меньше времени, чем на строительство стационарного моста. Конструкция стоила недорого, легко разбиралась и при необходимости перевозилась в другое место, ее сборка требовала минимум техники и рабочих рук.

В общем, Иван решил рискнуть. Он как раз собирался встретиться с Алексеем Беляевым, чтобы привлечь того к работе. В конце концов, это была его идея, которую он пестовал и вынашивал для себя. Но удар по голове сначала отодвинул, а потом и вовсе изменил его планы. В конце концов, нужно было быть уверенным, что нападение в подъезде организовал не Беляев, и только потом предлагать ему общее дело.

Шум на улице отвлек Ивана от его мыслей. Вскочив из кресла, он подошел к окну и отодвинул жалюзи. Во дворе завязалась драка.

– Черт, только этого еще не хватало. – Корсаков схватил куртку и со всех ног бросился вниз по лестнице.

На улице уже пролилась первая кровь. Маленький, вертлявый, злобный рабочий, которого, как успел выучить Иван, звали Ромкой Новиковым, вытирал юшку с разбитого носа. Ярко-алые капли усеивали грязный бетон вокруг. Ромкина куртка спереди тоже была заляпана кровью, но он не сдавался и по-петушиному снова и снова налетал на второго участника потасовки – здоровенного крановщика Гришку Маргулиса. Тот лениво, словно бы нехотя, отпихивал Ромку, и от каждого тычка тот отлетал не менее чем на метр. Слишком хлипок был, особенно по сравнению со здоровяком Маргулисом. Рядом полукругом стояли с пяток рабочих, на дерущихся смотрели с интересом, но вмешиваться не спешили.

– Вы ошалели, что ли? – Иван влетел в полукруг и схватил Маргулиса за рукав. – Григорий, прекрати драку. Ты ж его покалечишь. Нашли место для выяснения отношений.

– Так, Михалыч, я ж не сам это придумал, – чуть протяжно сказал Гришка. Ивана в порту с первых дней все тоже звали Михалычем. То ли действительно уважали, то ли втайне насмехались. – Он первый начал, ты хоть вон ребят спроси.

Ромка тем временем подлетел снова и из-за Ивановой спины попытался ударить Маргулиса кулаком по голове. Тот перехватил руку и легонько вывернул кисть нападавшего. Ромка взвыл.

– Прекратите, я сказал! – рявкнул Иван. – Новиков, иди отсюда. Морду умой. И если еще раз на территории предприятия драку затеешь, уволю к чертовой матери.

– Тебе волю дай, ты всех уволишь, – зло сказал Ромка. – Увольнятель хренов. С кем останешься? Хотя недолго тебе тут еще над людьми изгаляться.

– Что? – Иван отпустил Маргулиса и круто повернулся к Ромке. – Что ты сказал, гаденыш?

– Я? Да ничего я не сказал. – Ромка поднял упавшую на землю во время потасовки шапку, независимо шмыгнул разбитым носом и отошел на безопасное расстояние. – Тебе кто-то ж по голове заехал. Так и еще заедет. Больно крутой, а тут крутых не любят.

Корсаков рванулся к тщедушному щуплому человечку, гадко ухмыляющемуся с безопасного расстояния, но теперь уже Маргулис схватил его за руку.

– Брось, Михалыч, не связывайся. Дерьмо он, а не человек. А драки в порту затевать не стоит. Ни тебе, ни нам не надо, чтобы худая молва пошла. А ты, шваль, иди отсюда, – обратился он к Ромке. – Еще раз ко мне подойдешь, по земле размажу тонким слоем, как повидло во времена советского дефицита.

– Что ему от тебя было надо? – спросил Иван у Маргулиса. – С чего он в драку полез?

– Бешеный дак. – В речи Гришки сквозили местные обороты речи, вызывавшие у Ивана умиление, однако сейчас ему было не до лингвистических изысков. – Мы с мужиками курили, разговаривали, что предприятие после твоего прихода шанс получило. Говорили про будущее, то да се. Сам понимаешь, кризис. Цены вверх прут как на дрожжах, курс доллара того… без работы и зарплаты сейчас не сахар оставаться. Мы ж понимаем, что все к банкротству шло, а ты приехал, и вроде все как-то получше стало.

– А дрались-то из-за чего? – Ивану была приятна неожиданная похвала Маргулиса, тем более что остальные рабочие стояли рядом и согласно кивали головами, однако нужно было докопаться до первопричины драки. Такой уж у него был характер.

– Да из-за этого и дрались, – непонятно ответил Маргулис. – Ромка стал спорить, что ты тут долго не задержишься, а нам всем все равно кранты. Я ему в сердцах сказал, что если он будет, как заяц, с места на место бегать, а не работать по-человечески, то ему так кранты точно, а за всех он пусть не говорит и за тебя не решает. Припомнил ему, как он несколько лет подряд то устраивался к нам работать, то увольнялся, когда его в Архангельске в море брали. Он же работник так себе, а человечек еще хуже, поэтому его в одно плавание возьмут, а потом на берег спишут. Ну, он к нам пристроится. Потом снова в Архангельск уедет. А он взбесился и на меня с кулаками кидаться начал. Говорю же, бешеный, не

терпит, когда ему поперек что-то говорят.

– Погоди, я что-то совсем запутался, – признался Иван. – При чем тут Архангельск?

– Да я ж тебе объясняю, – покладисто, как ребенку, объяснил Маргулис. – Ромка, он так-то механиком на кораблях работал. В плавание ходил. Только его всегда увольняли. Он же, чуть что, сразу в драку. А в нашем городе у него дядька жил, материн брат. Он его к себе жить пускал. И на работу в порт устраивал. Ромка тут покантуется, потом договорится на очередное плавание, уедет. Потом опять там разругается со всеми, вернется. Так уж раз пять или шесть было. Вот только дядька его помер, так что жить ему теперь тут негде. То ли комнату в общежитии снимает, то ли у бабы своей ночует.

– Странно за тысячу километров уезжать, чтобы в порту рабочим быть, – заметил Иван. – Тем более что родственников у него теперь тут нет. Такие-то копейки и в Архангельске, поди, платят.

– Вот и мы удивились, когда он снова нарисовался, – пожал плечами Маргулис. – Но приехал и приехал. Нам что, нам не жалко.

– Да мне тоже не жалко, – согласился Иван. – Вот только драки на своей территории я терпеть не намерен. И еще мне очень интересно, что этот хмырь имел в виду, когда говорил, что меня здесь скоро не будет.

– Да брось ты, Михалыч, что он может иметь в виду? – презрительно спросил Маргулис. – Просто болтает глупости, чтобы значимости себе придать. Его ж за человека никто не считает. Только и плюсов, что не пьет.

– Погоди. – Иван потер затылок, в котором что-то отчетливо зазвенело. – Он знает, что меня недавно по голове звезданули, а я на работе про это никому не говорил. Ни одной живой душе. Вот ты, Гришка, к примеру, про это знаешь?

– Нет, – растерянно произнес Маргулис и тоже потер свой мощный затылок. – А тебя что, правда стукнули, что ли?

– Правда. Три дня назад. Я дома повалялся и шум поднимать не стал. А Новиков про это откуда-то знает. Вот что любопытно.

– Да прижать его, как клопа, к стене, – решительно сказал Гришка, – да встряхнуть хорошенько, чтобы рассказал, что знает. Правда ж интересно. Тебе в репу дают, а этот поганец – единственный, кто в курсе.

– Прижать мы его всегда успеем. Тут подумать надо. – Корсаков зябко повел плечами. Стылая декабрьская сырость коварно пробралась под расстегнутую куртку и теперь кусала плечи под тонкой кашемировой водолазкой. – Разберемся. А пока идите-ка вы все работать. Хотя нет. Гриша, постой. Скажи мне, Новиков тут на предприятии с кем-нибудь дружен? Может, он с Алексеем Беляевым раньше общался?

– С Алексеем Николаевичем? – уточнил Гришка и снова потер затылок. Руки у него были крепкие, большие, с короткими мясистыми пальцами. Просто не руки, а медвежьи лапы. Такие обнимут, так ребра хрустнут. Или голова, если по ней с размаху дать… – Не, для Алексея Николаевича Ромка – мелочь пупырчатая, чтобы он с ним разговаривал. С нами Матвеев еще общался, а Беляев нет, никогда.

Матвеев был бывшим основным акционером предприятия. Тем самым, с которым Иван договаривался о продаже акций.

– А Матвеев, выходит, с Ромкой общался, – уточнил Иван. Он и сам не знал, зачем ему все эти подробности, но хваленая интуиция уже не просто давала тихие интеллигентные предупреждающие звоночки, а истошно орала пожарной сиреной.

– Да нет же. Не больше, чем с нами со всеми. Мы ж рабочие. Матвеев с главным инженером общался, с начальниками отделов. Это да. А мы что… Мимо пройдет, здрасте-здрасте, вот и весь сказ.

– Ладно, Григорий, иди, – устало сказал Иван. – И не трогай ты этого малахольного больше. Ты его зашибешь ненароком, тебе ж потом отвечать. В тебе ж силищи, вон, немерено. Зачем свою жизнь из-за этого хлюпика портить.

– Не маленький, понимаю, – бормотнул Маргулис. – Михалыч, ты это, разберись со своими непонятками. Мы с ребятами на тебя крепко надеемся, что порт подымешь. Нам детей растить. Без работы нам никак.

– Разберусь, – пообещал Иван. – Не бери в голову. И работа будет точно. Я для этого здесь и сижу.

– Лады. – Маргулис просветлел лицом. – Ты того, Михалыч, обращайся, если чего подсобить надо.

– Хорошо, Гриш. Обращусь, спасибо.

Вернувшись к себе в кабинет, Корсаков вдруг обнаружил, что улыбается во весь рот, хотя поводов для веселья вроде никаких и не было.

В порту происходило что-то странное. Это он ощущал всей кожей, от предчувствия опасности ставшей «гусиной». И разобраться с происходящим следовало быстро. Разобраться, привести всех в чувство, в норму, поставить на место, раздать всем сестрам по серьгам и уехать в Питер на Новый год. К Рите, Пашке, Вальтеру и его новой жене, к наличию которой Иван пока не привык, и на все про все у него оставалось чуть больше двух недель. Отчего-то он был уверен, что успеет.

Глава четвертая

Под действием губительной отравы

Когда любовь остывает, ее нужно или подогреть, или выбросить. Это не тот продукт, который хранится в прохладном месте.

Эдит Пиаф

Как начинать новую жизнь, если сил нет даже на то, чтобы утром встать с кровати? Несколько дней Лиде не выпадали ночные дежурства, и она за это время окончательно и бесповоротно превратилась в развалину. Голова

кружилась, рези в животе участились настолько, что периодически Лида беспокоилась, что не успеет добраться от дома до работы. Болезненные заеды в уголках губ не проходили, а становились все глубже и кровоточили.

Лида вспомнила, как в детстве жаловалась в таких случаях родителям, что у нее «рот рвется». Сейчас было такое чувство, что рот «порвался» навсегда. Вдобавок ко всем прочим неприятностям у нее начали сильно лезть волосы. Каждое утро она чистила массажную щетку, выкидывая в ведро клок волос. Рыжая копна на голове, которой она втайне гордилась, считая самым сильным достоинством своей в общем-то скромной внешности, заметно поредела, и сквозь огненные кудряшки теперь просвечивала белая кожа.

«Тощая, драная, да теперь еще и лысая, – мрачно думала Лида по дороге на работу. – Если бы Славка не бросил меня летом, то он обязательно сделал бы это сейчас. Хотя нет. Если бы он меня не бросил, то я бы на почве стресса не сошла на ноль так стремительно. Так что в моих неприятностях со здоровьем, равно как и во всех прочих, никто, кроме него, не виноват».

Впрочем, основной вопрос все-таки заключался не в том, кто виноват, а в том, что делать. Превращаться в калеку Лиде не хотелось категорически. Но совокупность симптомов была такой странной, что сразу и не поймешь, что именно лечить. Несмотря на значительный врачебный стаж, она не могла придумать лекарства от несчастной любви и разбитого сердца.

Подойдя к крыльцу больницы, она ненадолго остановилась, чтобы переждать приступ тошноты. На крыльце стояло неземной красоты создание, явно не местное, потому что подобных прекрасных фей сюда точно не завозили.

У нее были длинные, до аккуратной попки, обтянутой узкими джинсами, тщательно завитые и уложенные один к одному локоны, щедро залитые лаком. Пышная грудь, еле прикрываемая короткой серой дубленкой с меховыми отворотами, высокие каблуки, которые смотрелись абсолютно дико на разбитом асфальте здешних улиц, кроваво-красные ногти, такие длинные, точно накладные, хищный, причудливо изогнутый рот с капризно надутыми и накрашенными сиреневым губками и огромные, широко распахнутые ярко-синие глаза, обрамленные щедро намазанными тушью ресницами.

Она была так хороша, что Лида даже споткнулась на ступеньках оттого, что смотрела на фею, а не под ноги. Ко всему прочему незнакомка была еще лет на пять моложе, поэтому рядом с неземным созданием Лида тут же почувствовала себя ветхой древней старухой, просыпающей песок на ржавые, разбитые, скользкие от мороси ступени.

– Вы Лидия Корнилова? – Лида даже ушам своим не поверила. Это расчудесное чудо не могло ждать тут именно ее. Она могла дать голову на отсечение, что никогда ее раньше не видела. Помимо коллег по работе, да еще спасшего ее соседа, которому потом проломили голову, у нее не было в этом городе никаких знакомых.

– Да, я Лидия Корнилова, – ответила она. – Вы что-то хотели?

– Я вас жду, – с некоторым вызовом в голосе сказала фея. – Мне сказали, что вы работаете с полдевятого, специально приехала к этому времени, но вы не торопитесь, как я вижу.

Только сейчас Лида обратила внимание на ярко-красную маленькую «Тойоту», припаркованную неподалеку от входа. В их больнице ни у кого не было такой машины. Она была так же вызывающе прекрасна, как и ее владелица.

– Простите, – зачем-то извинилась Лида. – Я опоздала, потому что не очень хорошо себя чувствую. Вы хотели со мной поговорить о проблемах своего ребенка? У вас мальчик или девочка?

– Я действительно хотела поговорить о проблемах ребенка, но не своего, а вашего, – заявила красавица, исказив совершенные губы в легком смешке. – И насколько мне известно, у вас именно девочка.

– Что-то с Лизой? – испугалась Лида. – Но я вчера вечером с ней разговаривала, все было в порядке.

– У нее несомненно. – Фея сделала особый нажим на слове «нее». – Но ее порядок нарушает жизненный уклад других людей, а вы совершенно не хотите с этим считаться.

– Простите, я не понимаю…

– Да боже мой, что тут понимать. Я Ирина. Ирина Корнилова. И меня категорически не устраивает наличие в моем жизненном пространстве вашего ребенка. Кстати, избалованного и капризного.

Лида смотрела на фею, тупо открыв рот. Ее Лиза не была ни избалованной, ни капризной. Это был совершенно обычный, воспитанный домашний ребенок, который хорошо учился, занимался танцами и английским языком. Кроме того, какое отношение Лиза могла иметь к этой самой Ирине Корниловой, у которой почему-то была та же самая фамилия, что и у них с Лизой.

Рот Лиды от изумления открылся еще шире, дернулись и закровоточили трещины в углах губ. Она внезапно поняла, с кем разговаривает. Перед ней, нетерпеливо перебирая совершенными длинными ногами, стояла новая жена ее бывшего мужа.

– Подождите, – сказала Лида, пытаясь вновь обрести самообладание. – Вы новая жена Славки. Да?

– Да, – довольно нервно сказала красавица. – И я приехала сказать вам, что вы ведете себя неприлично, цепляясь за прошлое, которого больше нет, и пытаясь всеми силами вернуть Славушку обратно.

– Я цепляюсь за прошлое? – Лида решила, что ослышалась. – Я пытаюсь его вернуть? Вы ошибаетесь. Я ничего подобного не делаю. Более того, если у него в голове вдруг расклинит и он сам попросится обратно, да хоть на коленях приползет, я его не прощу. Он меня предал, поэтому в моей жизни для него не может быть места. Меня учили прощать что угодно, кроме предательства.

– Боже мой, – Ирина снова скривила губки, – сколько пафоса. Вот ни капельки я вам не верю. Если бы вы не намеревались вернуться обратно к старой семейной жизни, то за столько месяцев уже бы вывезли из квартиры свои вещи.

– Какие вещи? – Лида чувствовала себя очень глупо, потому что никак не могла взять в толк, о чем твердит ей эта молодая, небесной красоты женщина. – Я не оставила там никаких вещей. У меня и не было ничего, кроме одежды. Так ее я забрала.

– Вы оставили там своего ребенка, – припечатала Ирина. – И ее одежду. Ее игрушки. Ее учебники. Я постоянно на них натыкаюсь. В конце концов, рано или поздно у нас со Славушкой будут свои дети, и я должна думать о защите их интересов. Поэтому я требую, чтобы вы соблюли приличия и эвакуировали из квартиры ребенка.

Она так и сказала «эвакуировали». Лида вдруг представила войну, немецкую оккупацию, неминуемую опасность, от которой она должна была успеть спасти Лизу. Свое солнышко, свою кровиночку, свою девочку. Представила и даже вздрогнула.

– Вы зря так волнуетесь, – сказала она твердо. – В новогодние каникулы Лиза переедет ко мне, как и планировалось изначально. Так что вам не придется больше запинаться о моего ребенка. Хотя, естественно, иногда она будет ездить к бабушке, потому что не думаю, что Любовь Николаевна согласится никогда в жизни ее больше не видеть. Она любит свою внучку.

– Кстати, об этом я тоже хотела с вами переговорить, – заявила новая жена Славки, которого Лиде в эти минуты стало отчего-то ужасно жаль. – Наша с вами свекровь действительно очень любит свою внучку, поэтому мне кажется, что она тоже должна переехать вместе с ней.

– Куда? – Лида чувствовала, что бьет все рекорды по собственной тупости.

– Да боже мой, к вам, конечно. Вы же все время на работе, ночами дежурите, а нанять прислугу (она так и сказала – прислугу), судя по вашему внешнему виду, – она окинула Лиду долгим оценивающим взглядом, и та тут же снова почувствовала себя древней неопрятной старухой, – у вас вряд ли получится. Да и пенсия свекрови будет вам подмогой. В финансовом плане.

– То есть вы предлагаете мне забрать к себе свекровь, чтобы жить на ее пенсию? – уточнила Лида, к которой, похоже, возвращалась способность соображать.

– Ну да. На алименты-то вы вряд ли сможете рассчитывать.

– Это почему же? – удивилась Лида. – Я не подавала на алименты, потому что дочь живет у отца и бабушки, но я обязательно это сделаю, когда она переедет ко мне. Даже не сомневайтесь.

– Славушка сейчас переходит на работу в частный медицинский центр, – высокомерно сообщила Ирина. – Его туда мой отец устроил. Зарплата там, конечно, гораздо выше, но она неофициальная. Так что особо губу не раскатывайте. Тысячи полторы, не больше, вот все, на что вы и ваше малолетнее чучело можете рассчитывать. Так что забирайте ее из квартиры поскорее. И бабку забирайте. Мне она не нужна.

– Не сомневаюсь, – призналась Лида. – О своем решении я вам, несомненно, сообщу. – В ее голосе вдруг появились неведомые ранее королевские нотки. Она и сама не знала, что умеет так разговаривать. – Любовь Николаевна тоже сама решит, где и с кем она собирается жить. Кстати, квартира, из которой вы ее гоните, принадлежит ей, а не Славке, так что это вы губу не раскатывайте. На всякий случай еще сообщу, что Лиза там прописана и выписывать я ее не собираюсь. В конце концов, не одна вы думаете о своих детях. У вас они пока мифические, а у меня ребенок уже реальный. Мне от этого морального урода, в которого вы превратили моего бывшего мужа, ничего не надо. Но за права своего ребенка я буду биться до последнего. Без боя не сдамся, не надейся. – Она вдруг перешла на «ты».

– Так вот ты какая, – заверещала вдруг девица. – Славушка мне говорил, что ты дрянь, вампирша, пиявка, которая к нему присосалась и все соки из него выпила. Я с тобой по-человечески договориться хотела. Но раз ты так… Да я твою маленькую стерву отравлю, поняла? Или ты ее заберешь немедленно вместе с этой старой козой, твоей свекровью (она так и сказала – твоей), либо я им клофелина подсыплю. У меня тоже медицинское образование имеется. Не у тебя одной.

– Пошла на… – неожиданно для себя выпалила Лида, которая никогда-никогда не использовала бранные слова, считая свой лексикон достаточно богатым, чтобы обходиться без них. – Если ты только тронешь Лизу и Любовь Николаевну, то сядешь. Поняла? У меня связи остались, чтоб ты знала. Я лечила детей о-очень известных людей, в том числе и внука областного прокурора, так что укорот я на тебя найду. А сейчас пошла вон отсюда.

Девица с перекосившимся от злобы лицом скатилась вниз по лестнице, зацепилась каблуком за выбоину в ступеньке, чуть не упала, Лида даже дыхание затаила в немой надежде, но нет, пронесло. Сохранив равновесие, Ирина спустилась, добежала до своей щегольской машины. Щелкнула кнопочка, мигнули фары, взревел двигатель, и машина вылетела на улицу, на прощание проскрежетав покрышками.

– Чтоб ты колесо пробила, – вслед ей пожелала Лида и, тяжело волоча ноги, пошла внутрь здания, где ее уже заждались больные.

До конца дня она дотянула с трудом. Внимательно осматривала детей, слушала хрипы в легких и бронхах, подробно расспрашивала мамочек о симптомах, смотрела горло, мерила температуру, выписывала рецепты и давала советы, однако перед глазами у нее стояла Ирина Корнилова – высокая пышная грудь, литая попка, локоны, ногти, зубы, змеиная улыбка и капризный взгляд, а в ушах звучал ее голос.

То, что говорила эта молодая женщина, было столь ужасно и безнравственно, что даже в голове не укладывалось. Лида точно знала, что на месте Ирины съела бы себя поедом только за то, что разбила чужую семью, увела мужа, травмировала детскую психику разводом родителей. Но Ирине не только было ни капельки не стыдно. Она была уверена, что может требовать от своей уничтоженной соперницы большего, и не считалась не только с ее чувствами или интересами единственного ребенка своего мужа, но и с чувствами свекрови, с которой жила под одной крышей.

Требование забрать Любовь Николаевну потрясло Лиду даже больше, чем все остальное. Она представила себе, каково сейчас живется свекрови в собственном доме, и зябко поежилась от охватившего ее чувства жалости. Да, конечно, ее свекровь предала, но в общем и целом женщиной она была неплохой. Сына любила до самозабвения и ради этой любви была готова принять целый сонм невесток, возникни у Славки такое желание.

Какое-то непонятное чувство грызло Лиду изнутри, заставляло отвлекаться от работы и отключало мозги. Что это было? Ярость от наглости соперницы? Унижение? Обида на Славку? Она не знала.

Ее муж, вот уже полгода как бывший, оказался совсем не тем человеком, с которым она познакомилась на первом курсе, вышла замуж на втором, от которого родила ребенка на третьем и с которым прожила двенадцать лет. Ее Славка, долговязый, худой, похожий на юного жирафа, которого они с Васькой на абитуре видели в зоопарке и долго были под впечатлением от трогательного выражения его глаз. Слава стеснялся, приглашая ее на первое свидание. Гуляя на морозе, подолгу грел ее руки без варежек в своих больших ладонях, для пущей верности засунув их в карман своей парки с меховым капюшоном. Лида вечно теряла варежки, и он покупал ей новые на базаре у стоящих в ряд бабулек, которые уже узнавали его, потому что покупать их ему приходилось почти с каждой стипендии.

Ее Славка не замечал других женщин, потому что ему никто не был нужен, кроме нее, Лиды. И он точно не мог запасть на такую идеальную, такую универсальную пошлость, которую представляла собой Ирина Корнилова. Он не терпел пошлость во всех ее проявлениях и вместе с Лидой смеялся над жеманными красавицами, встречающимися в институтских коридорах.

Он бредил медициной, он часами пропадал в анатомичке, он корпел над учебниками, он доводил профессоров до белого каления своими вопросами, которые сыпались из него как из рога изобилия. У него вечно не хватало времени, потому что он истово готовился к коллоквиумам и семинарам, часами просиживал в читальном зале областной библиотеки, а в промежутках еще бегал на молочную кухню за кефиром, помогал Лиде с контрольными, носил на руках Лизу, у которой резались зубки, и пел ей колыбельные.

Лида старалась стать хорошим врачом только потому, что ей всегда хотелось дорасти до мужа, стать ему ровней, чтобы он ею гордился и всем говорил, какая у него умная жена. И у нее получилось, к ней записывались на консультацию на месяц вперед, у ее кабинета всегда стояли целые очереди страждущих. Ее любили, ценили, уважали. К ней прислушивались, а Славка, окончивший институт с красным дипломом, как-то незаметно остался рядовым начинающим врачом, которого не спешили двигать по карьерной лестнице.

В годы учебы он брал усидчивостью и терпением, а в реальной жизни вдруг оказалось, что он ничего особо не знает и не умеет, боится пациентов, раздражается от их бесконечных жалоб и не может принимать решения. Все годы учебы Лида смотрела ему в спину, а за пять лет, прошедших с окончания института, вдруг оказалась далеко впереди.

Упаси господь, она никогда не давала понять, что замечает этот увеличивающийся между ними разрыв. Более того, она и сама себе не признавалась в том, что он существует. Но Славка все-таки был человеком умным и не мог не понимать, что, в отличие от нее, не состоялся как врач. Не это ли привело к его отдалению от нее? Не это ли стало основной причиной разрыва?

Медсестра Ирина с ее кукольной внешностью была глупа ровно настолько, чтобы на ее фоне он казался богом. Славка был старше, опытнее, выше по социальной лестнице. При помощи нового тестя он мог устроиться на непыльную работу в частной клинике, где не требовалось ежедневно и ежечасно бороться за пациента и где от неправильно принятого решения вряд ли зависела чья-нибудь жизнь. Он привык, чтобы жена болталась где-то за его спиной, а потому круто поменял свою жизнь, чтобы вернуться в привычное для себя состояние пассивного лидерства.

Все случившееся было понятным и вполне ожидаемым, и если для Лиды приключившийся развод и стал неожиданностью, то лишь оттого, что она никогда не давала себе труда задуматься над тем, что с ними обоими происходит. Просто плыла по течению, не включая мозги. От этого и распадается большинство семей – от нежелания или неспособности остановиться, подумать, оценить те изменения, которые произошли с момента свадьбы, и прикинуть их последствия.

От мечущихся сейчас в голове мыслей голова плавилась, не давая сосредоточиться на самых простых, обыденных вещах, и часа в четыре Лида даже прикрикнула на себя. В конце концов, Ирина Корнилова была смазливым глупым ничтожеством, на слова и поступки которого не стоило обращать внимания, тем более такой умнице, отличнице и прекрасному доктору, как Лида. Да и со Славкой в самом деле было все понятно. Однако уговорить себя все равно не получалось. К концу дня возникшая из-за утренней встречи тревога разрослась, заняв все внутреннее пространство и в голове, и в животе, и в груди. Лиде даже воздуха начало не хватать.

Закончив прием, сделав обход в отделении, заполнив все истории болезней и выписав все назначения, она достала из холодильника ординаторской привычный, любовно приготовленный бутерброд, вскипятила чай и приготовилась поесть перед началом ночного дежурства, но поняла, что сегодня

не сможет проглотить ни кусочка.

«Э-э-э, мать, – с досадой сказала она сама себе, – так не пойдет. Еще бы ты не выглядела такой жалкой рядом с этой расфуфыренной красоткой. Лицо в зеркале уже похоже на ручку от швабры, так еще и не ешь совсем».

Из-за то ли врожденной, то ли приобретенной за годы учебы в школе привычки все подвергать глубокому анализу Лида уселась на старый продавленный диван, стоящий в углу ординаторской, отложила в сторону бутерброд и, попивая маленькими глоточками горячий душистый чай, стала раскладывать по полочкам утренний разговор, который ввел ее в ступор настолько, что она на день выпала из рабочего состояния.

Что в этом разговоре зацепило ее так сильно? Что вызвало острую тревогу, которая к вечеру только нарастала? Желание побыстрее избавиться от Лизы? Так через три недели Лида и так собиралась забрать девочку к себе. Требование увезти к себе свекровь? Так Любовь Николаевна не была чемоданом без ручки, который можно было перевозить с места на место, не спрашивая согласия. Кроме того, по большому гамбургскому счету, Лида была бы вовсе не против, чтобы та приехала к ней и присмотрела за внучкой. Проблем с ночными дежурствами, а также необходимостью обезопасить Лизу в новом для нее окружении удалось бы легко избежать. Не считая того, что Лида была обижена за то, что свекровь фактически предала ее, легко приняв новую невестку, претензий к ней у Лиды не было. Все двенадцать лет их со Славкой брака она уживалась с его матерью легко и ссор между ними не возникало.

Что же было не так? Сорвавшиеся с губ Ирины слова, что она подсыплет Лизе и Любови Николаевне клофелин в чай? Но это были только слова, сказанные в ажиотаже, сгоряча, и их никак нельзя было принимать близко к сердцу и всерьез опасаться отравления.

Отравление… В потоке судорожно мечущихся мыслей Лида вдруг зацепилась за это слово. Именно оно не давало ей покоя с той минуты, как только она услышала его от брызжущей ядом Ирины. Правда, дело тут было совсем не в клофелине и даже не в Лизе.

Резко отставив чашку с чаем, который от столь небрежного обращения тут же выплеснулся на белую, потрескавшуюся от времени поверхность тумбочки,

стоящей рядом с диваном, Лида со всех ног бросилась к столу, на котором дремал единственный, уже довольно допотопный компьютер. Слава богу, перебоев с интернетом сегодня не было, поэтому, открыв поисковик, Лида начала лихорадочно вбивать в него слова, которые ей были нужны.

Результат поиска не заставил себя долго ждать. Через полчаса Лида все внимательно изучила, закрыла вкладки, выключила ставший бесполезным компьютер, уставилась в темный экран и, исходя из прочитанного, глубоко задумалась. Вопросы «кто виноват?» и «что делать?» становились более чем актуальными. Она не хотела знать ответа на первый вопрос, потому что боялась, что не сможет его пережить, и уж тем более Лида не представляла, что ей делать.

Глава пятая

Визит дамы

Одни женщины трогают сердце, другие застревают в печенках.

Тамара Клейман

Жизнь вокруг превратилась в полный сюр. Иван просто физически ощущал, что живет в искаженной реальности, в которой в любую минуту может произойти все, что угодно. Иногда он считал, что окружающая его жизнь – это последствия сотрясения мозга, которое, будучи перенесенным на ногах, не могло пройти совсем уж бесследно. Иногда же искренне верил, что волею судьбы оказался в Зазеркалье, в котором и не могут происходить обычные и привычные вещи. Наверное, именно из-за своей постоянной готовности к любым чудесам он, забыв дома папку с документами и приехав за ней в разгар дня, ничуть не удивился, обнаружив раскачивающуюся на скрипящих качелях Риту.

Мимоходом он успел отметить, что был прав, не представляя ее на здешних улицах. В облезлом дворе с его бесконечными талыми лужами и разбросанными повсюду последствиями выгула собак она действительно смотрелась инородным телом. Хотя тело это было, как всегда, прекрасно.

Стройные ноги, затейливо замотанный шарф от «Бёрберри». Белокурые локоны, так естественно развевающиеся на декабрьском ветру, что наметанному глазу сразу видно – перед отъездом из Питера она была в парикмахерской, легкая, будто невесомая шубка с короткими, до локтя рукавами, полоска песца, полоска кожи, писк нынешнего сезона. В моде Корсаков, конечно, не разбирался совсем, но раньше он этой шубки на Рите не видел, и раз она ее купила, значит, можно не сомневаться – точно писк.

Под шубкой ярко-красный тонкий пуховичок, надетый скорее не для тепла, а «для блезиру». Зачем надевать верхнюю одежду друг на друга? Корсаков подумал и догадался, что, видимо, теперь «так носят». Замшевые ботиночки на высоченной танкетке. На мокрой грязи двора они выглядят даже не неуместно, а скорее дико. Впрочем, как и вся Рита.

Додумать эту мысль до конца Корсаков не успел. Она, завидев его машину, соскочила с качелей, перебирая совершенными ногами пробежала по скользким остаткам травы, рванула на себя водительскую дверь, бросилась ему на шею. От ее поцелуя сразу стало чуть мокро, чуть щекотно, сильно запахло сладкими, чересчур тяжелыми для светлого времени суток духами. Рита любила именно такие – густые, почти масляные, темные, с долгим шлейфом пачули, иланг-иланга и сандала.

Иван от таких ароматов тут же начинал кашлять и задыхаться. В начале их романа, всерьез опасаясь умереть от удушья, он дарил любовнице свежие легкие духи, но его флаконы так и оставались стоять на полке нераспакованными. Рита признавала только сладкие тяжелые запахи, и с этим невозможно было что-то поделать. Только привыкнуть. Иван и привык.

Сейчас основательно подзабытый аромат тоже заставил его закашляться, но в то же время рассеял морок. Перед ним, рядом с ним была действительно Рита.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он, ответив на ее поцелуй, внезапно показавшийся тоже чересчур сладким. Все-таки в его любовнице страсти, сахара и перца было чересчур. Он уже отвык от этого шквала.

– Прозябаю, – ответила Рита. – Теряю драгоценные минуты жизни в ожидании тебя и от нечего делать размышляю о той убогости, которая тебя окружает. Это же ужас какой-то, Корсаков. – Она обвела рукой заплеванное пространство

двора. – Неужели тебе нравится так жить? Я не понимаю.

– Не нравится, – честно признался Иван. – Но я ж тут не для удовольствия живу, Рит. Я тут работаю. Кую основу будущего процветания, так сказать. Ты ж финансист, ты ж должна понимать. Нет, ты мне лучше скажи, откуда ты тут вообще взялась, а?

– Так я ж соскучилась, Вань, – капризным тоном, чуть растягивая гласные, сказала женщина его мечты. – Ты как три месяца назад уехал, так и позабыл меня совсем. А я же женщина темпераментная. Мне без тебя так долго трудно. Вот я и решила, что раз гора не идет к Магомету, то Магомет приедет к горе, в захудалую дыру. Села в машину и приехала. Делов-то.

Только сейчас Иван заметил, что во дворе, косо приткнувшись мордой к песочнице, стоит Ритин «БМВ», подаренный ей все тем же Иваном на прошлый Новый год.

– Сама приехала, за рулем? – усомнился он.

Ритин страх перед большими расстояниями был ему хорошо известен. Она панически боялась попасть в ДТП; если они вдвоем выбирались из Питера в Финляндию или на озера, то напряженно всматривалась в наматывающуюся на колеса серую ленту дороги. Она называла себя идеальным штурманом, бдительно высматривающим лосей вдоль обочин, встречные, внезапно выскочившие на обгон машины и любые другие потенциальные неприятности.

Однако Корсаков считал, что из-за постоянного не отпускающего ее напряжения она на самом деле не видит и не фокусируется на настоящих опасностях, поскольку прокручивает в голове мнимые. Сама на трассу она не выезжала никогда и ни при каких обстоятельствах. Ее личный рекорд – пятьдесят километров до дачи родителей – она совершала только летом и не чаще раза в месяц, а обычно договаривалась, чтобы ее кто-нибудь подкинул. Как правило, этим кем-нибудь оказывался Корсаков.

Чтобы Рита приехала сама из Питера за восемьсот километров, это был нонсенс, абсурд, абракадабра, нелепость, в общем, полный бред. Но сладкий запах в его машине был абсолютно материален, впрочем, как и сама Рита, успевшая перелезть через него на пассажирское сиденье и ловко и споро расстегивавшая

на нем джинсы.

– Э-э-э, ты что, ополоумела? – заорал Иван, когда до него дошло, что именно она собирается делать. – До квартиры дотерпеть не можешь? День-деньской, люди же увидят.

– Корсаков, – она чуть улыбнулась, обнажив ровные белые зубы. – Нет, ты тут точно совсем с ума сошел. Одичал от отсутствия нормального общества. Когда это тебя волновало, что про тебя подумают люди? И какие, позволь спросить, люди тебя волнуют здесь? – она снова обвела рукой унылую картину за лобовым стеклом. – И, несомненно, я могу дотерпеть до квартиры, только зачем терпеть, если мы уже все равно рядом. Я ж тебе говорю: я соскучилась. И не заставляй меня подозревать, что ты – нет.

Ее пальцы, пока она говорила, ловко и споро делали свое дело. Иван судорожно вздохнул, когда она пробралась внутрь, и выгнулся дугой от пронзившего его удовольствия. Не дело это, когда три месяца без женщины.

– Во-от, – удовлетворенно произнесла Рита, – теперь я вижу, что ты тоже соскучился. Перебираемся на заднее сиденье?

Они пересели, и минут на семь Иван потерял всяческую способность думать. Где-то на краю сознания теплилась мысль, что их вряд ли видно из окон равнодушно взирающего на его машину дома, в конце концов, задние стекла были тонированными. Но и она оказалась погребена под шквалом чувств, которые ловко умела вызывать Рита. Что и говорить, любовницей она была просто улетной. Как там в песне поется: «Я душу дьяволу продам за ночь с тобой»?

Корсакову продавать душу было не нужно. Рита была рядом с ним, на заднем сиденье его «Тойоты», и можно было не сомневаться, что как только они попадут в душное тепло корсаковской квартиры, то тут же смогут повторить все эти акробатические этюды и скачки с препятствиями.

– Так ты зачем приехала, я не понял? – спросил он, тяжело дыша, когда финишная ленточка была сорвана и мощная грудь лидировавшего финалиста мерно вздымалась под натиском приложенных к победе усилий.

– Так тебя увидеть, дурак, – довольно обиженно отозвалась Рита. – Странный вопрос для человека, который только что трахнул меня прямо в машине. Можно подумать, не хотел?

– Хотел, – честно признался Иван и, немного подумав, добавил: – И сейчас хочу. – Рита весело засмеялась. – Только вот весь этот подвиг с самопожертвованием за рулем к чему? Я ж Пашке говорил, что через две недели сам приеду на Новый год. Или он тебе не передал?

– Передал, конечно, – кивнула Рита, застегиваясь и поправляя одежду. Она уже выглядела, как всегда, безупречно, как будто и не совершала минуту назад всех этих безумств, от которых на спине у Ивана, он это чувствовал, остались глубокие царапины. Она всегда его царапала, и он поначалу страшно гордился этим. Ему нравилось думать, что именно он вызывает у нее все эти тигриные инстинкты. Сейчас спина саднила, и от мысли об украшающих его царапинах Ивану отчего-то становилось как-то неприятно – то есть противно и стыдно одновременно.

– Передал, – повторила Рита. – Только я уже больше не могла ждать тебя, Корсаков. Две недели – это очень долго. Кроме того, ты вполне мог и передумать, тем более что, как сказал Пашка, тебя по голове ударили. Голова-то как, болит? А, Корсаков?

– Голова уже не болит, – машинально ответил Иван. Его хваленая интуиция сейчас зудела где-то в районе мозжечка, не давая покоя. В том, что, а главное, как говорила Рита, была какая-то фальшь. – Может, ты побудешь тут у меня до Нового года? А потом вместе в Питер поедем. Я, правда, не представляю, как ты такое расстояние отмахала.

– Вот, а ты не ценишь. – Рита наклонилась и смачно поцеловала Ивана в губы. – Я для тебя на такие жертвы иду, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Где ты еще такую найдешь, Ванька? А что касается Нового года, то, конечно, я проведу у тебя две недели, это даже не обсуждается, вот только в Питер мы не поедем. Зачем нам в Питер? Уж коли я преодолела такое расстояние, то желаю освоить новую неизведанную доселе землю. Так что встретим Новый год здесь.

– Где? Вот прямо здесь? – глупо спросил Иван.

– Нет, в машине мы встречать Новый год не будем, – голосом усердной воспитательницы сообщила Рита. – И, пожалуй, в этом захудалом городишке я тоже оставаться не хочу, тут с тоски подохнешь, не дождавшись боя курантов. Так что мы с тобой снимем какой-нибудь загородный дом на Волге, должны ж они тут быть, в конце концов. Сосновый бор, река, лыжи, баня, красота.

– Вот уж не знал, что ты лыжница, – ехидно заметил Иван. – Ритка, ну что ты придумала? Где мы с тобой возьмем загородный дом за две недели до Нового года? Они уже давным-давно забронированы все.

– Вы бы все тут без меня пропали, – процитировала Рита известный всей стране новогодний фильм. – Вань, я уже все забронировала. Еще месяц назад. Я ж не знала, что тебя потянет на родину, и планировала, как скрасить твое вынужденное одиночество. Так что и дом заказан, и баня, и продукты. Недалеко отсюда, километров шестьдесят. Ну что, я молодец?

– Молодец, – признал Корсаков. – Я, правда, как ты знаешь, не люблю, когда за меня строят какие-то планы, но должен признать, что в этот раз ты вправду здорово придумала. Слушай, Ритка, пойдем домой, а?

– Есть хочешь? – лукаво спросила она. – Время-то обеденное.

– Есть? Нет, есть я не хочу, – чуть обалдело сказал он, потому что мысли его вдруг сконцентрировались ниже пояса. Там полыхал пожар, который настоятельно требовал подкинуть в него дровишек. – Тебя хочу. Очень. Ты такая классная, Ритка.

– Наконец-то вспомнил, – счастливо расхохоталась она и, открыв дверь, выскочила из машины. – А то уж я думала, что тебя тут то ли подменили, то ли опоили, то ли удар по голове привел к таким необратимым изменениям. Давай, герой-любовник, веди меня в свое жилище, поближе к койке. Только сумки забери из машины, в вашем дворе мне что-то страшно оставлять имущество без присмотра.

– А ты чего во дворе-то уселась? – спросил Иван, хлопая дверью багажника. – Я же по чистой случайности домой приехал днем, так-то меня раньше восьми и не бывает. Ты ж тут околела бы. Позвонить-то не могла?

На миг ему показалось, что Рита смутилась. Легкая тень пробежала по ее прекрасному лицу и тут же пропала, как и не было.

– Сюрприз хотела сделать, – призналась она. – Если бы я позвонила, кайф был бы совсем не тот. Во-первых, я ж не знала, что ты впал в трудовой раж настолько, чтобы до ночи трудиться. Во-вторых, я могла в машине греться, бензина, слава богу, хватает. А в-третьих, ты же приехал. Я на то и рассчитывала, что мне не может не повезти.

– Шальная ты, Ритка, честное слово. – Корсаков покачал головой, подхватил два ее увесистых чемодана, доказывающих всю серьезность намерения провести рядом с ним несколько недель, и, вполне довольные друг другом, они зашагали к подъезду.

Дверь хлопнула, и перед самым носом Ивана вдруг очутился Роман Новиков, тот самый шебутной рабочий, который устроил драку со здоровяком Маргулисом и наговорил много непонятных гадостей самому Ивану. В корсаковском подъезде делать ему было совершенно нечего.

– Ромка, ты что тут? – ошалело спросил Иван.

Тот шмыгнул носом, скосил глаза на красавицу Риту и довольно невозмутимо ответил:

– Так я за вами приехал. Из порта.

– А в квартиру зачем поднимался, если я во дворе? – Корсаков был убежден, что за визитом неприятного парня кроется какая-то тайна.

– То, что машина во дворе стоит, я конечно, увидел, но то, что вы в машине, на ней написано не было, – нахально ответил Роман. Окинув долгим оценивающим, очень мужским взглядом Риту, он перевел глаза на Ивана и понимающе усмехнулся. Корсакову моментально стало жарко. Он просто физически ощутил, как то ли свекольная, то ли помидорная краснота неровной волной заливает его лицо. Вот тоже еще глупость, стесняться какого-то Ромки.

– В конторе сказали, что вы за документами домой уехали, вот я и рванул к вам. В квартиру звоню-звоню, а там никого нет.

– А послали-то тебя зачем? Что случилось?

– Случилось-то? – переспросил Новиков, который все не сводил внимательного взгляда с Ритиного прекрасного лица. – Да ничего не случилось. Там просто вас Беляев спрашивает.

– Алексей? – удивился Иван.

– Ну да. Алексей Николаич, наш бывший совладелец. Приехал, говорит, Корсаков ему нужен, а вы за бумагами уехали, я и решил, того, сообщить.

– Так тебя кто послал-то?

– Никто меня не посылал. – Новиков плюнул сквозь зубы. Плевок ненадолго как будто завис в воздухе, а потом все-таки упал на мокрый асфальт. Иван против воли проводил его глазами. – Беляев сказал, что немного подождет, раз вы скоро вернетесь. А я и решил вам сообщить. Если хотите с ним поговорить, так ехать надо, а если не хотите, то того, наоборот, задержаться.

– А тебе-то что за интерес, хочу я или не хочу? – Взгляд Ивана стал вдруг колким и внимательным.

– Да повздорили мы с вами вроде как, – покаянно признался парень. – А так-то с начальством только дураки ругаются. Вот я и решил первым на примирение пойти. Я вам добрую службу сослужу, вы дурное из памяти выбросите. Логично?

– Логично, – признал Иван и покосился на Риту, на лице которой застыло скучающее и одновременно нетерпеливое выражение.

– Вот что, Роман, – Корсаков принял решение, – ты сейчас возвращайся в порт и скажи, что меня сегодня до конца дня не будет. Пусть Беляев меня не ждет, я ему завтра сам позвоню. Скажешь там ребятам, и в приемной тоже, что у меня непредвиденные обстоятельства. Ко мне, – он замялся, подбирая нужное слово, – ко мне приехали.

– Жена? – спросил Ромка, шумно сглатывая. Все-таки Рита была вызывающе хороша.

– Потенциальная, – небрежно ответила она, скользнув по замурзанному рабочему презрительным взглядом. Она умела смотреть так, что человек начинал чувствовать себя вошью, грязью под ногами. Теперь уже по лицу Ромки от шеи ко лбу поползла предательская краснота. – Вы идите, товарищ пролетарий, выполняйте данное вам поручение, уж коли затеяли перед начальством прогибаться, а у нас дело есть. Важное.

– Ну да, знаю я это дело, – хохотнул Ромка и пошел прочь, оглядываясь на все еще топчущегося перед входом начальника. – Не волнуйтесь, Иван Михалыч, я всем все передам. Отдыхайте.

Оставшееся до вечера время они с Ритой провели с пользой и не без приятности. Иван даже не подозревал, что его ладное, крепко скроенное мужское тело так истосковалось по женской ласке. Он был неутомим, приникая к Рите снова и снова, а она, казалось, была только рада, охотно откликаясь на его прикосновения, изобретательно лаская его сама, поднимая все новую и новую волну, которая, вздымаясь до пика, вдруг разрывалась на мелкие брызги, капли, осколки, на время оставляя их совсем без сил и тут же зарождаясь где-то внутри их сплетенных тел заново.

Где-то часа через три Иван понял, что изрядно проголодался. Он смутно помнил, что в доме нет еды. Совсем. Уезжая утром, он пожарил яичницу из двух последних яиц и лишь вечером собирался заехать в супермаркет за своим привычным набором холостяка. Получалось, что нужно выбираться из постели и ехать в магазин.

– Ритка, у меня продуктов нет, – покаянно сообщил он любовнице, которая в ожидании, пока он вернется из ванной, раскинулась на его продавленном диване и лениво щелкала пультом от телевизора. – Я, конечно, сейчас съезжу, но должен тебя предупредить, что фуа-гра в здешних широтах не продают и пармезана с дорблю тоже.

– Пармезана с дорблю сейчас по всей стране не продают, – сообщила ему Рита. – У нас эти, как их, санкции. Так что ты меня не удивил. Если в твоем магазине продается картошка, то я ее пожарю. Будешь жареную картошку, Корсаков?

Он в немом изумлении смотрел на нее. ЕГО Рита ужинала исключительно в дорогих ресторанах, придирчиво копаясь в меню. Роллы, по ее разумению, можно было есть только в ресторанах сети «Токио», причем далеко не во всех. Она отлично разбиралась в винах, любила грузинскую и азербайджанскую кухню, регулярно таскала Корсакова в «Баклажан» на Лиговке, но в страшном сне он не мог представить, что Рита, во-первых, будет есть жареную картошку, а во-вторых, готова собственноручно ее пожарить.

– Что ты на меня уставился, Корсаков? – спросила она и недобро усмехнулась. – Я же не родилась главным бухгалтером твоей процветающей компании. – У меня мама и папа – простые советские инженеры. Я в студенческие годы «Доширак» жрала, и ничего, жива, как видишь. Так что картошку жарить умею. Не боись, не отравлю.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Ключ от незапертой двери». – Прим. авт.

Купить: https://tellnovel.com/ru/martova_lyudmila/vysoko-nad-strahom

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить